Петр Великий

2007044073

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ.

ТРИ ЧТЕНІЯ.

Съ тремя рисунками.

Изданіе учрежденной по Высочайшему повелѣнію Постоянной Коммисіи народныхъ чтеній.

Цѣна 25 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. Акинфіева и И. Леонтьева, Бассейная, 48.
1898.

СВѢТОВЫЯ КАРТИНЫ КЪ НАСТОЯЩЕМУ ЧТЕНІЮ
(для аудиторій):

ПЕРВОЕ ЧТЕНІЕ.

1. Іоаннъ Грозный.
2. Алексѣй Михайловичъ.
3. Бояринъ Матвѣевъ.
4. Наталья Кирилловна.
5. Ѳеодоръ Алексѣевичъ.
6. Никита Зотовъ.
7. Князь Долгорукій.
8. Петръ разсматриваетъ астролябію.
9. Лефортъ.
10. Петру подносятъ саблю.
11. Обученіе потѣшнаго войска.
12. Софія Алексѣевна.
13. Стрѣльцы.
14. Наталья Кирилловна выводитъ царевичей.
15. Петръ находитъ ботъ.
16. Дѣдушка русскаго флота.
17. Царевна Софія возмущаетъ стрѣльцовъ.
18. Троице-Сергіева Лавра.
19. Видъ Архангельска.
20. Петръ въ Архангельскѣ.
21. Соловецкій монастырь.
22. Петръ на Бѣломъ морѣ.
23. Крестъ Петра.
24. Маневры въ Кожуховѣ.
25. Бояринъ Шереметевъ.
26. Взятіе Азова.
27. Видъ Риги.
28. Видъ Либавы.
29. Видъ Саардама.
30. Комната Петра въ Саардамѣ.
31. Домъ Петра въ Саардамѣ.
32. Петръ на верфи въ Саардамѣ.
33. Видъ Амстердама.
34. Видъ Лондона.
35. Видъ Вѣны.
36. Петръ въ молодости.

ВТОРОЕ ЧТЕНІЕ.

1. Карлъ XII.
2. Видъ Нарвы.
3. Шлиппенбахъ.
4. Видъ Нотебурга.
5. Взятіе Нотебурга.
6. Морское сраженіе въ устьяхъ Невы.
7. Заложеніе Петербурга.
8. Домикъ Петра Великаго.
9. Меншиковъ.
10. Видъ Кронштадта.
11. Взятіе Нарвы.
12. Гетманъ Мазепа.
13. Битва при Лѣсномъ.
14. Петръ объѣзжаетъ полки.
15. Раненый Карлъ XII.
16. Бѣгство Карла XII и Мазепы.
17. Петръ Великій на полѣ битвы.
18. Пиръ Петра послѣ битвы.
19. Братская могила подъ Полтавой.
20. Шафировъ.
21. Императрица Екатерина Алексѣевна.
22. Возвращеніе Петра послѣ Ништадскаго мира.
23. Объявленіе о мирѣ.
24. Петръ принимаетъ Императорскій титулъ.
25. Встрѣча Петра съ Людовикомъ XV.
26. Видъ Астрахани.
27. Спасеніе погибающихъ на Лахтѣ.
28. Кончина Петра.
29. Портретъ Петра Великаго.

ТРЕТЬЕ ЧТЕНІЕ.

1. Минихъ.
2. Петръ на заводѣ куетъ желѣзо.
3. Видъ Холмогоръ.
4. Ладожскій каналъ.
5. Меншиковъ.
6. Долгорукій.
7. Иголкинъ въ тюрьмѣ.
8. Подвигъ Иголкина.
9. Иголкинъ передъ Петромъ.
10. Портретъ Петра Великаго.

(3 вкл.)

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ.

ТРИ ЧТЕНІЯ.

Съ тремя рисунками.

Изданіе учрежденной по Высочайшему повелѣнію Постоянной Коммисіи народныхъ чтеній.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. Акинфіева и И. Леонтьева. Бассейная, 48.
1898.

И. ПАНОВ

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ.

ЧТЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Воспитаніе Петра и начало его самодержавнаго правленія.

Два вѣка тому назадъ Россія далеко не была такъ могущественна и сильна, какъ теперь. Она уже и тогда раскинулась на много тысячъ верстъ въ длину и въ ширину, но жителей въ ней, сравнительно съ ея пространствомъ, было не много, а главное—они были очень бѣдны и невѣжественны. Всякая страна богата тогда, когда въ ней процвѣтаютъ ремесла, науки и искусства, есть много фабрикъ и заводовъ, гдѣ вырабатываются всевозможныя вещи какъ для нуждъ самихъ жителей, такъ и для торговли съ чужими народами; увеличивается богатство страны также и отъ торговли съ иностранцами; въ до-петровской же Россіи почти ничего этого не было. Между тѣмъ какъ въ другихъ европейскихъ государствахъ и ремесла, и науки, и

искусства достигли въ это время большого развитія, Россія во всѣхъ этихъ отношеніяхъ не далеко ушла отъ того, чѣмъ она была за нѣсколько сотенъ лѣтъ передъ тѣмъ.

Никакихъ почти фабрикъ и заводовъ у насъ не было; все хорошее, начиная съ матерій и кончая оружіемъ, привозилось изъ чужихъ странъ и привозилось все иностранцами, такъ какъ русскіе купцы дальше своей границы рѣдко ѣздили, считая близкія сношенія съ иноземцами чуть не смертнымъ грѣхомъ. Постояннаго войска въ Россіи было очень мало, а въ случаѣ войны призывались на службу всѣ дворяне, которые должны были являться съ вооруженными отрядами пѣшихъ и конныхъ слугъ. Численность этихъ отрядовъ зависѣла отъ богатства дворянина, обязаннаго содержать ихъ на свой счетъ. Понятно, что такое войско, мало привычное къ войнѣ, плохо обученное и плохо вооруженное, не могло сравниться съ опытными, закаленными въ походахъ, войсками сосѣднихъ европейскихъ народовъ, которые—не смотря на многочисленность и храбрость русскихъ—обыкновенно побѣждали ихъ. Только за стѣнами крѣпостей наши предки умѣли успѣшно защищаться отъ враговъ, а въ открытомъ полѣ нестройныя толпы русскихъ рѣдко выдерживали натискъ шведовъ или поляковъ.

Русскіе давно начали понимать, что для развитія своего могущества имъ надо многому научиться и многое перенять отъ своихъ западныхъ сосѣдей, и не разъ дѣлали попытки къ этому, но, къ несчастью, эти попытки по бо́льшей части оказывались неудачными.

Такъ еще Іоаннъ Грозный, понимая, какъ важно для Россіи владѣть побережьемъ моря, которое давало бы возможность легко на своихъ собственныхъ корабляхъ сноситься съ другими народами, велъ продолжительныя войны изъ за обладанія берегомъ Балтійскаго моря, но эти войны были неудачны для русскихъ. Они не только не сдѣлали никакихъ завоеваній, но даже потеряли часть прибрежья, принадлежавшую имъ съ давнихъ поръ. Іоаннъ Грозный вызывалъ также въ Россію искусныхъ иностранныхъ мастеровъ для того, чтобы они передали свое умѣнье и знаніе русскимъ, но сосѣдніе нѣмцы (ливонскіе рыцари), боявшіеся всякаго усиленія Россіи, препятствовали этому.

Послѣ Іоанна Грознаго наши цари часто пытались поставить свой народъ по образованности наравнѣ съ другими народами, но удалось это исполнить только первому и самому славному нашему императору Петру, по всей справедливости названному Великимъ, такъ

какъ онъ своей мудростью и крѣпкой волей положилъ начало силѣ Россіи, которая, идя по указанному имъ пути, сдѣлалась однимъ изъ могущественнѣйшихъ государствъ въ свѣтѣ.

Вотъ о жизни этого-то великаго человѣка русскаго мы и поведемъ нашу бесѣду.

Петръ Великій родился 30 мая 1672 года и былъ сыномъ царя Алексѣя Михайловича и жены его Наталіи Кирилловны Нарышкиной. Въ прежнее время, когда наши цари задумывали жениться, то со всѣхъ концовъ Россіи собирали красивѣйшихъ дѣвушекъ, изъ числа которыхъ царь и избиралъ себѣ жену. Но женитьба царя Алексѣя Михайловича на Наталіи Кирилловнѣ произошла не совсѣмъ обычнымъ образомъ.

Царь, бывшій вдовцомъ послѣ первой жены, царицы Маріи Ильиничны, изъ рода Милославскихъ, часто навѣщалъ одного изъ своихъ приближенныхъ — Артамона Сергѣевича Матвѣева. Матвѣевъ, очень умный, а по тогдашнему и образованный человѣкъ, будучи начальникомъ Посольскаго приказа, который велъ всѣ сношенія съ иностранными государствами, часто сталкивался съ иноземцами и отчасти даже самъ жилъ на иностранный ладъ. Домъ свой онъ устроилъ по заграничному, обставилъ его привозной мебелью,

украсилъ часами, картинами, и, кромѣ того, перенялъ у иностранцевъ обычай не держать взаперти свою жену и дочерей, какъ это дѣлалось тогда у другихъ знатныхъ людей нашихъ.

Въ одно изъ посѣщеній царя Матвѣевъ представилъ ему дочь своего стараго друга, небогатаго дворянина Кирилла Полуектовича Нарышкина, воспитывавшуюся въ его домѣ. Красивая, скромная и благочестивая Наталья Кирилловна очень понравилась государю, который, бывая у Матвѣева, каждый разъ по долгу разговаривалъ съ молодой дѣвушкой и, наконецъ, плѣненный ея качествами, рѣшилъ на ней жениться.

Какъ то, говоря съ Матвѣевымъ, царь замѣтилъ ему: — «а, что, Сергѣичъ, не думаешь ли ты, что пора твоей воспитанницѣ и замужъ идти?»

«Пора, государь», отвѣтилъ Артамонъ Сергѣевичъ, «да вотъ бѣда: приданаго за ней почитай что вовсе нѣтъ».

«Ну, значитъ, нужно ей поискать жениха, который былъ бы самъ богатъ, чтобы за жениными приданымъ не гнался», закончилъ Алексѣй Михайловичъ.

Черезъ нѣкоторое время онъ снова ска-

залъ Матвѣеву — «а вѣдь я-то жениха для твоей воспитанницы нашелъ».

«Кого же это, государь?»

«Себя самого, Сергѣичъ».

Долго не хотѣлъ вѣрить Матвѣевъ такому счастью, выпавшему на долю бѣдной, незнатной дѣвушки, но царь скоро торжественно объявилъ о своемъ выборѣ и вступилъ въ бракъ, отъ котораго суждено было родиться нашему великому императору.

Кромѣ Петра у царя Алексѣя Михайловича было еще пять сыновей отъ перваго брака (всего у него было шестнадцать человѣкъ дѣтей), но всѣ эти сыновья были очень болѣзненны и слабаго сложенія, а трое изъ нихъ умерли еще въ юности. Не таковъ былъ царевичъ Петръ; онъ уже и въ колыбели отличался необычайнымъ здоровьемъ, силой и живымъ нравомъ и несказанно радовалъ этимъ своего родителя. Онъ необыкновенно рано началъ говорить и ходить, при чемъ по преданію былъ такой живой, что не ходилъ, а все бѣгалъ.

Петру шелъ четвертый годъ, когда скончался отецъ его, и на престолъ вступилъ старшій царевичъ Ѳеодоръ Алексѣевичъ.

При царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ царица Наталья Кирилловна и ея родственники и при-

ближенные, въ томъ числѣ бояринъ Матвѣевъ, находились не въ милости, и она жила очень тихо, не принимая никакого участія въ дворцовой жизни. Поэтому маленькій царевичъ Петръ росъ безъ такого строгаго присмотра, какой существовалъ обыкновенно надъ царскими дѣтьми. Живость его нрава съ каждымъ годомъ увеличивалась, и онъ все время проводилъ въ веселыхъ и шумныхъ играхъ, преимущественно на чистомъ воздухѣ, отчего здоровье и силы молодого царевича все болѣе и болѣе укрѣплялись. Всякій, взглянувъ на восьмилѣтняго Петра, сказалъ бы, что этому высокому, сильному красавцу-мальчику по крайней мѣрѣ двѣнадцать лѣтъ.

Въ старое время русскіе царевичи въ дѣтствѣ учились не многому, но царь Алексѣй Михайловичъ думалъ объ этомъ дѣлѣ иначе. Ему хотѣлось, чтобы сыновья его научились всему, чему только можно было, и онъ сдѣлалъ ихъ наставникомъ одного изъ самыхъ ученыхъ людей, жившихъ въ то время, —Симеона Полоцкаго. Подъ руководствомъ этого ученаго монаха старшіе царевичи Алексѣй и Θеодоръ Алексѣевичи оказали такіе успѣхи, что ихъ образованности потомъ удивлялись даже иностранцы.

Не то было съ Петромъ. О немъ кромѣ опаль-

ной матери некому было заботиться, некому было думать и объ его ученіи. Когда мальчику минуло семь лѣтъ, къ нему все таки приставили учителя, но это былъ не такой знаменитый ученый, какъ наставникъ его старшихъ братьевъ, а мало образованный, и притомъ недалекій, дьякъ Никита Зотовъ. Началъ онъ учить Петра читать священныя книги, въ чемъ состояло обычное ученье того времени, но для такого ребенка, какъ Петръ, этого было мало. Любознательность и разумность росли въ немъ не по днямъ, а по часамъ. Ему хотѣлось все узнать, все понять, онъ постоянно задавалъ Зотову вопросы относительно всего, что только поражало его вниманіе, но учитель далеко не всегда могъ удовлетворить своего нетерпѣливаго ученика. Поэтому Петру приходилось до многаго доходить своимъ умомъ или подъискивать себѣ случайныхъ учителей.

Такъ случайно нашелъ Петръ себѣ учителя математики — науки, необходимой какъ полководцу, такъ и простому корабельному мастеру, безъ которой нельзя выстроить крѣпости, отлить пушки, устроить какую бы то ни было машину.

Произошло это такъ. Бояринъ князь Долгоруковъ ѣхалъ посломъ заграницу и передъ

отъѣздомъ пришелъ проститься съ молодымъ царевичемъ. Петръ въ разговорѣ какъ то пожалѣлъ, что нельзя на глазомѣръ вѣрно опредѣлить разстояніе между разными предметами.

«Нѣтъ, государь, можно» отвѣчалъ Долгоруковъ. «у нѣмцевъ есть такой инструментъ на трехъ ножкахъ, астролябіей называется,—съ нимъ можно какое хочешь разстояніе измѣрить».

«Неужели. вскричалъ обрадованный Петръ. достань мнѣ этотъ инструментъ, бояринъ!»

«И радъ бы услужить тебѣ, государь, да не могу: была у меня такая астролябія, но пропала, а другой во всей Москвѣ не достанешь».

«Такъ привези мнѣ эту астролябію изъ чужихъ краевъ. слышишь, непремѣнно привези, бояринъ!»

«Слушаю, государь, какъ вернусь въ Москву, будетъ у тебя заморская игрушка».

Долгоруковъ сдержалъ обѣщаніе и привезъ Петру инструментъ, который тотъ такъ желалъ имѣть. Молодой царь радостно схватилъ «заморскую игрушку», но радость скоро смѣнилась горемъ. Долгоруковъ зналъ, что̀ можно сдѣлать съ помощью астролябіи, но какъ взяться за дѣло, этого онъ не зналъ. Не зналъ обращенія съ астролябіей и Зотовъ, не знали и другіе приближенные. Обратились къ нѣмцу доктору — онъ не знаетъ-ли? Но и докторъ не

имѣлъ объ этомъ дѣлѣ понятія. Однако онъ обѣщалъ добыть такого человѣка, который бы могъ научить царя, какъ обращаться съ астролябіей, и скоро привелъ учителя. То былъ голландецъ Францъ Тиммерманъ, изъ Кокуевской слободы, гдѣ жили вообще всѣ иностранцы, служившіе русскимъ царямъ или пріѣзжавшіе въ Москву по торговымъ и другимъ дѣламъ.

Тиммерманъ не только объяснилъ Петру, какъ нужно обращаться съ астролябіей, но сталъ учить его геометріи и другимъ математическимъ наукамъ. Петръ очень полюбилъ Тиммермана и почти не разставался съ нимъ, вывѣдывая у него все, что только тотъ зналъ. Черезъ Тиммермана Петръ познакомился съ другими иностранцами, жившими въ Москвѣ. Между ними было не мало людей, отъ которыхъ онъ могъ многому научиться, жили они весело, и поэтому не мудрено, что живому, огненному Петру было пріятнѣе проводить время въ Кокуевской слободѣ, чѣмъ въ своемъ скучномъ дворцѣ. Иностранцы, среди которыхъ особенно выдавались Лефортъ и Гордонъ, помогли также Петру устроить его «потѣшное войско».

Нужно сказать, что Петръ еще ребенкомъ страстно любилъ разныя военныя игры и ча-

сто игралъ въ солдаты съ своими сверстниками. У маленькаго царевича было, понятно, множество всевозможныхъ игрушекъ, но изъ нихъ онъ любилъ больше всего тѣ, которыя относились къ военному дѣлу. Такъ однажды ему подарили маленькую саблю. Царевичъ, не обращая вниманія на всѣ другія игрушки, тотчасъ надѣлъ на себя саблю и не только цѣлыми днями не снималъ ее, но и на ночь просилъ класть любимую игрушку къ нему въ постельку.

Когда Петръ подросъ, то не прекратилъ своихъ игръ, а наоборотъ, еще больше полюбилъ ихъ. Къ своимъ сверстникамъ онъ присоединилъ еще много дворовыхъ людей, бѣдныхъ дворянъ и разнаго охочаго люда и составилъ изъ нихъ цѣлое маленькое войско, называвшееся потѣшнымъ. Своихъ потѣшныхъ Петръ одѣлъ и обучилъ на иностранный ладъ и впослѣдствіи образовалъ изъ нихъ цѣлыхъ два полка — Преображенскій и Семеновскій, названные такъ по имени двухъ подмосковныхъ селъ, гдѣ больше всего проводилъ царь время, обучая свое войско и производя примѣрныя сраженія.

Между тѣмъ Петръ уже сталъ царемъ. Въ 1682 году умеръ царь Θеодоръ Алексѣевичъ, не оставивъ послѣ себя дѣтей и не назначивъ

никого себѣ наслѣдникомъ. Изъ сыновей царя Алексѣя Михайловича къ этому времени оставались въ живыхъ двое царевичи Іоаннъ и Петръ. Старшимъ былъ шестнадцатилѣтній Іоаннъ, но онъ отличался очень слабымъ сложеніемъ, постоянно хворалъ и казался совсѣмъ непригоднымъ для царствованія. Здоровымъ, сильнымъ и живымъ, какъ огонь, Петромъ давно уже всѣ любовались и предсказывали великое будущее,—но ему было только десять лѣтъ. Долго совѣщались бояре, кому изъ братьевъ быть царемъ, но никакъ не могли придти къ окончательному рѣшенію. Тогда положили спросить весь народъ московскій, кого онъ желаетъ имѣть своимъ государемъ.

Бояре вышли на дворцовое крыльцо, и патріархъ, обращаясь къ громадной толпѣ всякаго званія людей, окружавшей дворецъ, спросилъ: кого вы желаете имѣть царемъ—Іоанна или Петра Алексѣевича? Со всѣхъ сторонъ послышались громкіе голоса -- «быть царемъ Петру Алексѣевичу», и такимъ образомъ десятилѣтній Петръ взошелъ на престолъ московскій.

Конечно онъ не могъ самъ заниматься государственными дѣлами, и всѣмъ стала управлять мать его царица Наталія Кирилловна со своими родственниками. Это, понятно, не могло

нравиться родственникамъ по матери покойнаго царя Θеодора Алексѣевича, Милославскимъ, а въ особенности не нравилось это одной изъ старшихъ дочерей царя Алексѣя Михайловича—царевнѣ Софьѣ.

Въ это время царевенъ не держали уже такъ строго, не выпуская никуда изъ терема и не обучая ничему кромѣ рукодѣлій, какъ прежде, и царевна Софья училась вмѣстѣ со своими братьями у ученаго Симеона Полоцкаго. Она отличалась большими способностями и любознательностью, очень интересовалась государственными дѣлами и въ царствованіе Θеодора Алексѣевича принимала участіе въ управленіи государствомъ. Поэтому не мудрено, что она съ большимъ неудовольствіемъ видѣла, какъ власть получила нелюбимая ею мачиха и ея приближенные, и рѣшила во что бы то ни стало захватить эту власть себѣ.

Средство овладѣть правленіемъ Софья увидѣла въ стрѣльцахъ. Стрѣльцами называлось постоянное войско, учрежденное еще царемъ Іоанномъ Грознымъ, въ мирное время жившее въ Москвѣ въ особой, такъ называемой Стрѣлецкой слободѣ и занимавшееся мелкой торговлей и различными ремеслами. Въ описываемое время стрѣльцы были очень недовольны своими начальниками или полков-

никами. Полковники заставляли ихъ работать на себя и нерѣдко не отдавали слѣдуемаго стрѣльцамъ жалованья. Этимъ неудовольствіемъ искусно воспользовалась царевна Софья. Ея приверженцы начали нашептывать стрѣльцамъ, что виновниками всѣхъ ихъ бѣдъ являются родственники молодого царя — Нарышкины. «Нарышкины не только васъ, стрѣльцовъ, всячески притѣсняютъ», говорили они, «но стараются даже причинить всякое зло царевичу Іоанну съ сестрами, дружелюбно относящимися къ вамъ».

Стрѣльцы, хотя и вѣрили всему этому, но всетаки открыто поднять бунтъ не рѣшались. Тогда однажды по улицамъ Стрѣлецкой слободы проскакали двое приближенныхъ Софьи съ криками, что Нарышкины извели царевича Іоанна.

Стрѣльцы заволновались, схватились за оружіе и двинулись къ Кремлю.

Въ царскомъ дворцѣ при извѣстіи о возмущеніи стрѣльцовъ всѣ пришли въ большое смущеніе и хотѣли запереть кремлевскія ворота, но было уже поздно. Стрѣльцы съ бранью и криками, что Нарышкины умертвили царевича Іоанна, ворвались во дворецъ. Бояре стали ихъ успокаивать, но напрасно.

Тогда вывели самого царевича Іоанна, объ-

явившаго стрѣльцамъ, что его никто не думалъ изводить, и что никакой обиды онъ отъ Нарышкиныхъ не испытывалъ. Стрѣльцы смутились, и когда ихъ бывшій любимый начальникъ Матвѣевъ сталъ уговаривать бунтовщиковъ разойтись по домамъ, они было послушались его и начали расходиться. Но тутъ какъ на грѣхъ новый стрѣлецкій начальникъ, князь Долгоруковъ, котораго они сильно не долюбливали, набросился на нихъ и принялся угрожать всевозможными наказаніями за бунтъ. Стрѣльцы разсвирѣпѣли, убили Долгорукова и, подстрекаемые Милославскими и ихъ сторонниками, бросились обратно во дворецъ. Тамъ они убили Матвѣева, убили и многихъ другихъ бояръ. Любимаго брата царицы Ивана Кирилловича Нарышкина, не смотря на всѣ ея мольбы, умертвили почти на глазахъ царя.

У Петра, при видѣ убійства столькихъ близкихъ ему людей, не вырвалось ни одного крика, ни одна слезинка не выкатилась изъ его глазъ, но за то съ этихъ поръ у него начала немного трястись голова, и это трясеніе осталось на всю жизнь.

Стрѣльцы, сдѣлавшіеся полными хозяевами Москвы, такъ какъ другого войска въ ней не было, потребовали сначала, чтобы царевичъ Іоаннъ былъ вѣнчанъ на царство вмѣстѣ съ

Петромъ, а затѣмъ, чтобы царевна Софья была сдѣлана правительницей государства до тѣхъ поръ, покуда оба царя не достигнутъ совершенныхъ лѣтъ. Эти требованія были исполнены, и юный царь со своими родственниками былъ снова совершенно устраненъ отъ дѣлъ государственныхъ.

Предоставленный самому себѣ, Петръ все время проводилъ въ занятіяхъ и потѣхахъ, но и самыя эти потѣхи подготовляли для Россіи войско и флотъ, съ помощью которыхъ она заняла мѣсто между первыми государствами Европы.

Петръ, желавшій все самъ изучить, все передѣлать своими руками, и въ «потѣшномъ» своемъ войскѣ началъ службу простымъ солдатомъ, постепенно проходя всѣ чины; онъ даже и во время первой своей войны съ турками (Азовскій походъ) значился только командиромъ бомбардирской роты Преображенскаго полка. Первое время офицерами въ потѣшномъ войскѣ были преимущественно иноземцы, производившіе всѣ ученья не такъ, какъ въ древнемъ русскомъ войскѣ, а на новый европейскій ладъ, потому что, только усвоивъ себѣ европейскіе пріемы, воины русскіе могли съ успѣхомъ сражаться со своими сильными сосѣдями. Потѣшное войско училось также стро-

ить и защищать крѣпости по всѣмъ правиламъ воинской науки, училось и вести осаду такихъ крѣпостей, для чего дѣлилось на двѣ части, представлявшія изъ себя осажденныхъ и осаждающихъ.

Занимаясь много съ своимъ сухопутнымъ войскомъ, Петръ еще больше заботился о флотѣ. Любовь и интересъ къ флоту пробудились у Петра совершенно случайно.

Однажды, гуляя съ Тиммерманомъ въ дворцовомъ селѣ Измайловѣ, Петръ забрался въ амбары, гдѣ хранились разныя старыя и ненужныя вещи, и нашелъ тамъ лодку, не похожую на всѣ тѣ, какія онъ видѣлъ. Тиммерманъ объяснилъ, что это лодка англійская, называется «ботомъ», и что на такомъ ботѣ можно плавать подъ парусами даже противъ вѣтра. Ботъ былъ испорченъ, но Тиммерманъ нашелъ своего земляка, по имени Бранта, который исправилъ ботъ, и скоро Петръ катался на немъ по Измайловскому пруду. Этотъ ботъ первый забросилъ въ голову Петра мысль о постройкѣ кораблей и потому носитъ названіе «дѣдушки русскаго флота». Онъ существуетъ до сихъ поръ и хранится въ Петербургѣ, въ Петропавловской крѣпости. Прудъ, по которому катался Петръ въ своемъ ботикѣ, оказался слишкомъ малъ

и началъ стѣснять царственнаго моряка— только что онъ разгонитъ свое судно, какъ уже берегъ на носу, или на мелкое мѣсто попали. Если на большомъ ботѣ трудно было кататься по Измайловскому пруду, то уже нечего было и думать плавать по немъ хотя бы на небольшихъ корабляхъ и фрегатахъ, этихъ заграничныхъ военныхъ судахъ, о которыхъ Петръ такъ много слышалъ отъ Бранта. А молодому царю сильно хотѣлось самому выстроить такіе корабли и поплавать на нихъ. Вотъ онъ и сталъ искать мѣста, гдѣ было бы больше простора для плаванья.

Разъ кто-то сказалъ Петру, что въ 120 верстахъ отъ Москвы есть большое—больше десяти верстъ въ длину и въ ширину Переяславское озеро. Услышалъ это царь, и загорѣлось его молодое нетерпѣливое сердце. Нужно самому скорѣе съѣздить, посмотрѣть— правда ли, что озеро такъ хорошо и удобно для плаванія по немъ, какъ разсказываютъ. Но какъ это сдѣлать? Просить прямо царицу-мать отпустить его посмотрѣть на озеро? Но пожалуй она его и не пуститъ—и вотъ Петръ отпрашивается на богомолье въ Троицкую лавру, а оттуда пробирается на Переяславское озеро. Озеро сильно приглянулось царю, и онъ уже открыто сталъ просить Наталью Кирил-

ловину отпустить его туда строить корабли.

Не скоро согласилась царица отпустить отъ себя на долгое время своего непосѣдливаго сына, да еще на такое страшное, невиданное въ Россіи, дѣло, какъ постройка кораблей. Но съ Петромъ, когда что нибудь крѣпко западало ему въ голову, трудно было совладать. Крѣпилась, крѣпилась царица и отпустила Петра, взявъ съ него обѣщаніе беречься и возвратиться какъ можно скорѣе въ Москву, а сопровождавшимъ его придворнымъ крѣпко наказала не спускать глазъ съ молодого царя.

Обрадованный Петръ, захватилъ съ собою Бранта и нѣсколькихъ другихъ корабельныхъ мастеровъ и полетѣлъ въ Переяславль, гдѣ съ обычной своей горячностью и неутомимостью принялся за давно желанную работу. Скоро на Переяславскомъ озерѣ выросъ цѣлый маленькій флотъ изъ двухъ фрегатовъ и нѣсколькихъ другихъ меньшихъ судовъ, причемъ самъ царь работалъ какъ простой плотникъ и токарь, что видно и изъ его писемъ къ матери, гдѣ онъ называетъ себя, «въ работѣ пребывающимъ». Никакія просьбы матери, никакія другія дѣла не могли заставить Петра забыть его корабли.

Царица Наталья Кирилловна рѣшила тогда женить своего семнадцатилѣтняго богатыря-сына, надѣясь, что хоть жена заставитъ его

проводить больше времени дома. Но на дѣлѣ оказалось не то. Въ январѣ 1689 года Петръ женился на Евдокіи Ѳеодоровнѣ Лопухиной, а черезъ два мѣсяца уже снова былъ въ Переяславлѣ.

Между тѣмъ царевна Софья, совершенно самодержавно правившая московскимъ государствомъ, начала уже безпокоиться за свою власть. Первое время она не считала для себя опасными потѣхи Петра, и даже радовалась, что онѣ отвлекаютъ его отъ Москвы и государственныхъ дѣлъ.

Приверженцы правительницы указывали народу на веселую жизнь молодого царя, на его сближеніе съ иностранцами, и старались этимъ уронить его въ глазахъ простыхъ русскихъ людей, считавшихъ всѣхъ иностранцевъ еретиками. «Наша государыня, говорили они, безпрестанно Богу молится, а тамъ (то есть у Петра) только на органахъ да на скрипкахъ играютъ». Но мало по малу, по мѣрѣ того, какъ Петръ подросталъ, царевнѣ Софьѣ приходилось убѣждаться, что у молодого царя есть своя крѣпкая воля, что онъ съ неудовольствіемъ смотритъ на ея правленіе и скоро захочетъ стать царемъ не по имени только, а на дѣлѣ. Правительница рѣшила окончательно укрѣпить свою власть и для этого опять прибѣгла къ стрѣльцамъ.

Стрѣльцамъ стали снова внушать, что молодой царь и его родственники сильно притѣсняютъ вѣрную стрѣлецкую защитницу—царевну Софью, что Петръ хочетъ совершенно уничтожить стрѣльцовъ и поставить на ихъ мѣсто своихъ потѣшныхъ. Стрѣльцы опять заволновались, но когда ихъ начальникъ Шакловитый—сталъ прямо уговаривать ихъ убить царицу Наталью Кирилловну и ея близкихъ, они не рѣшились пойти на такое страшное дѣло. Шакловитому всетаки удалось собрать нѣсколько человѣкъ, готовыхъ по его приказанію на ужасное преступленіе.

Петръ въ это время находился въ своемъ подмосковномъ селѣ Преображенскомъ вмѣстѣ съ женой и матерью. Однажды поздно ночью въ Преображенское прискакали двое стрѣльцовъ и объявили приближеннымъ молодого царя объ угрожавшей ему опасности. Царица Наталья Кирилловна и ближніе къ Петру бояре страшно переполошились и поспѣшили разбудить его. Испуганный Петръ вспомнилъ всѣ ужасы перваго стрѣлецкаго бунта, вспомнилъ смерть своихъ дядей и тотчасъ, въ сопровожденіи двухъ-трехъ человѣкъ, ускакалъ въ Троицкую лавру, подъ прикрытіе ея крѣпкихъ стѣнъ и Преподобнаго Сергія, покровительство котораго уже не разъ

спасало Россію. Быстро распространилась по Москвѣ вѣсть, что царь Петръ долженъ былъ укрыться у Троицы отъ козней, грозившихъ ему со стороны правительницы Софьи и ея приближенныхъ. «Укрылся царь у Троицы и призываетъ къ себѣ своихъ вѣрныхъ подданныхъ» —слышалось всюду.

Тотчасъ выѣхали къ Троицѣ большинство бояръ и другихъ знатныхъ людей, пошло потѣшное войско, тронулся цѣлый стрѣлецкій полкъ полковника Сухарева. Софья испугалась и старалась всѣми силами примириться съ братомъ, но было уже поздно. Тщетно царевна посылала одного за другимъ нѣсколькихъ бояръ всѣ они или оставались у Троицы, или возвращались ни съ чѣмъ. Попробовала она послать патріарха, но тотъ открыто сталъ на сторону царя. Между тѣмъ, повинуясь царскому приказанію, въ Троицкую лавру ушли выборные отъ большинства стрѣлецкихъ полковъ, ушли и служилые иноземцы изъ Нѣмецкой слободы.

Тогда царевна Софья рѣшила сама поѣхать къ брату, но на половинѣ дороги ее встрѣтили посланные Петра и почти силой принудили вернуться въ Москву. Правительница увидала, что окончательно побѣждена, выдала Шакловитаго и другихъ своихъ главнѣйшихъ при-

верженцевъ, которые частью были казнены, частью посланы въ заточенie, а сама принуждена была отказаться отъ всѣхъ дѣлъ и поселиться въ Новодѣвичьемъ монастырѣ.

Съ этого времени (1689 г.) начинается самодержавie Петра Алексѣевича, потому что, хотя царь Іоаннъ Алексѣевичъ жилъ еще 7 лѣтъ, до самой своей смерти пользовался всѣми царскими почестями, являлся въ торжественныхъ случаяхъ народу, принималъ чужеземныхъ пословъ, но въ дѣйствительности совершенно не участвовалъ въ правленiи.

Впрочемъ и самъ Петръ первые пять лѣтъ, по своей молодости, принималъ мало участiя въ государственныхъ дѣлахъ, предоставляя ихъ боярамъ, среди которыхъ первое мѣсто занимали дядя царя Левъ Кирилловичъ Нарышкинъ и дядька его князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ. Самъ Петръ въ это время продолжалъ свое образованie, собирая отовсюду свѣдѣнiя и тотчасъ же примѣняя ихъ къ дѣлу.

Вскорѣ послѣ сверженiя Софьи Петръ опять полетѣлъ на свое любимое Переяславское озеро и съ прежнимъ жаромъ принялся за постройку кораблей. Одно лѣто весь царскiй дворъ съ царицами провелъ въ Переяславлѣ, гдѣ торжественно былъ спущенъ корабль. Но и Переяславское озеро стало мало

царю, искавшему болѣе широкую воду, равную его охотѣ. Съѣздилъ онъ на Кубенское озеро, но то, хоть и большое, оказалось слишкомъ мелкимъ и царя потянуло къ морю. Въ это время единственнымъ принадлежавшимъ Россіи моремъ, посредствомъ котораго можно было сноситься съ европейскими государствами, было Бѣлое,—и вотъ Петръ рѣшилъ съѣздить въ Архангельскъ.

Царица мать опять отказала сыну въ благословеніи на такое далекое и опасное путешествіе, но затѣмъ, видя его «великое желаніе и неотмѣнную охоту», какъ говорилъ самъ Петръ, отпустила. Передъ отъѣздомъ Наталья Кирилловна взяла только съ царя слово лишь смотрѣть на корабли, а самому на нихъ не плавать. Царь съ большой свитой отправился въ Архангельскъ, но какъ только пріѣхалъ туда и увидалъ море, о которомъ столько думалъ, такъ и забылъ про данное матери обѣщаніе.

Въ то время Архангельскъ, какъ единственный приморскій городъ въ Россіи, черезъ который шла заграничная торговля, былъ очень оживленъ. Сюда по рѣкѣ Двинѣ привозили изъ внутренней Россіи хлѣбъ, лѣсъ, сало, кожи, мѣха и продавали все это иностраннымъ купцамъ, преимущественно Англичанамъ и Голландцамъ. Иностранцы, пріѣзжавшіе въ Ар-

хангельскъ въ большомъ числѣ (иногда тамъ собиралось до ста чужеземныхъ кораблей), привозили много разныхъ товаровъ, которыхъ въ Россіи не было, открывали свои лавки, и потому Архангельскъ въ лѣтнее время былъ однимъ изъ самыхъ оживленныхъ и шумныхъ городовъ Россіи. По улицамъ ходили люди съ бритыми лицами, одѣтые въ короткія, казавшіяся странными тогдашнему русскому, одежды, слышалась чужая рѣчь. Не мудрено, что Петру, желавшему поближе познакомиться съ иностранцами, чтобы научиться у нихъ многому полезному для Россіи, очень понравилась жизнь въ Архангельскѣ. Онъ познакомился со многими иностранными купцами и шкиперами (начальниками кораблей) и проводилъ съ ними цѣлые дни, расспрашивая про заграничную жизнь и обычаи.

Само собою, что Петръ во всѣхъ подробностяхъ осматривалъ всѣ приходившіе въ Архангельскъ корабли. Однажды, увлекшись желаніемъ посмотрѣть, какъ управляются иностранные моряки въ открытомъ морѣ, не вытерпѣлъ и поѣхалъ провожать ихъ. Только послѣ того, какъ царь проплылъ чуть не половину Бѣлаго моря, приближенные могли уговорить его вернуться въ Архангельскъ.

Ужаснулась царица Наталья Кирилловна,

услыхавъ, что непосѣдливый сынъ ея не удержался, нарушилъ данное ей обѣщаніе и довѣрилъ себя страшнымъ, измѣнчивымъ волнамъ морскимъ. Ужаснулась она и стала въ каждомъ письмѣ своемъ умолять Петра вернуться скорѣе въ Москву. Но Петръ все находилъ предлоги, чтобы отсрочить свое возвращеніе, писалъ, что онъ не можетъ доподлинно сказать когда вернется, такъ какъ дожидается прихода кораблей, которые придутъ еще неизвѣстно когда. Дальше онъ уговаривалъ царицу не безпокоиться о немъ, такъ какъ она сама передала его на попеченіе Божіей Матери. «Такого пастыря имѣючи, почто печаловать?» писалъ царь.

Петръ не только не думалъ разставаться съ моремъ, но дѣлалъ приготовленія, чтобы еще лучше съ нимъ познакомиться, и рѣшилъ пріобрѣсти корабли, на которыхъ можно было бы смѣло пуститься не только что въ море, но и въ самый Ледовитый океанъ. Для этого онъ устроилъ въ Архангельскѣ верфь (мастерскую для постройки кораблей), заложилъ самъ на ней одинъ корабль, а другой, бо̀льшей величины, заказалъ въ Голландіи, славившейся тогда своими верфями.

Несмотря на увлеченіе морскимъ дѣломъ, Петръ, будучи въ Архангельскѣ, не пропус-

калъ ни одной большой церковной службы и, превосходно зная Богослуженіе, самъ читалъ Апостолъ и пѣлъ съ пѣвчими на клиросѣ. Архіепископъ архангельскій Аѳанасій, у котораго часто бывалъ молодой царь, писалъ въ послѣдствіи, что онъ не могъ не удивляться «мудрымъ бесѣдамъ царя о бытѣ не только царскомъ и боярскомъ, но и простыхъ людей, работахъ ихъ, строеніи домовъ и заводовъ и корабельномъ искусствѣ».

Наконецъ осенью Петръ выѣхалъ изъ Архангельска, но и послѣ пріѣзда въ Москву всѣ его мысли были заняты моремъ. Онъ дѣятельно готовился къ морскому походу, который задумалъ на будущее лѣто, подбиралъ матросовъ на строившіяся суда, лилъ пушки, готовилъ снасти. Царь самъ принялъ въ это время званіе шкипера, подписывался шкиперомъ и требовалъ, чтобы приближенные не называли его иначе.

Въ эту зиму (1691 г.), большое несчастье стряслось надъ Петромъ — скончалась царица Наталія Кирилловна. Царь, не ожидавшій никакъ этой потери (царица умерла почти внезапно, проболѣвъ лишь нѣсколько дней), былъ страшно огорченъ и нѣкоторое время ничѣмъ не могъ заниматься, все время оплакивая горячо любимую мать. Но молодость и жажда

работы взяли свое, и Петръ снова вспомнилъ о своемъ морѣ. Онъ написалъ двинскому воеводѣ Апраксину, чтобы тотъ приготовилъ все нужное для постройки новаго корабля, а весною самъ былъ уже на берегахъ Бѣлаго моря.

Съ большимъ торжествомъ спустилъ царь въ Архангельскѣ на воду заложенный имъ предыдущимъ лѣтомъ корабль и затѣмъ отправился въ Соловецкій монастырь на поклоненіе мощамъ основателей монастыря, преподобн. Зосимы и Савватія.

Соловецкій монастырь лежитъ среди Бѣлаго моря на небольшомъ скалистомъ островѣ, и вокругъ него въ весеннее и осеннее время часто свирѣпствуютъ бури. Такая буря застигла и Петра. Онъ плылъ на небольшомъ суднѣ, называвшемся «Св. Петръ», въ сопровожденіи архіепископа Аѳанасія и небольшой свиты. Когда поднялась буря, путешественники надѣялись успѣть укрыться отъ нея, но скоро потеряли надежду. Небольшое судно бросало изъ стороны въ сторону, мачты его гнулись, само судно, черезъ которое то и дѣло переливались волны, трещало и готово было ежеминутно потонуть. Моряки заявили, что они не могутъ совладать съ непогодой, и что осталась одна надежда на Божью помощь. Всѣ стали готовиться къ смерти, и самъ Петръ прі-

общился уже Св. Таинъ изъ рукъ архіепископа.

На суднѣ находился одинъ человѣкъ, по имени Антипъ Тимоѳеевъ, который съ малыхъ лѣтъ плавалъ по Бѣлому морю, хорошо зналъ какъ море, такъ и его берега, и слылъ очень искуснымъ кормчимъ. Въ минуту, когда море неминуемо должно было поглотить судно, а вмѣстѣ съ нимъ и царя, Тимоѳеевъ сказалъ, что вблизи этого мѣста есть заливъ, и что если Богъ поможетъ завести туда судно, то оно будетъ спасено. Его тотчасъ поставили на руль. Петръ, который, несмотря на страшную опасность, не потерялъ присутствія духа, все время находился около руля. Ему показалось, что судно управляется не такъ, какъ слѣдовало бы, и онъ началъ давать Тимоѳееву указанія.

«Если ужъ ты довѣрилъ мнѣ себя и корабль», отвѣтилъ ему смѣлый морякъ, «такъ не мѣшай дѣйствовать по моему». Петръ не сказалъ ни слова и тотчасъ отошелъ. Тимоѳееву дѣйствительно удалось ввести судно въ указанный имъ заливъ (Унскую губу), и царь съ его спутниками были спасены.

Когда Петръ вышелъ на берегъ вблизи Пертоминскаго монастыря, то первымъ дѣломъ возблагодарилъ Бога за свое спасеніе, затѣмъ подошелъ къ Тимоѳееву, обнялъ его, поцѣло-

валъ, подарилъ ему на память свое платье, въ которомъ былъ во время бури, и пожаловалъ пожизненную пенсію. «А помнишь, какъ ты меня отдѣлалъ въ морѣ», прибавилъ онъ смѣясь. Испуганный морякъ бросился царю въ ноги, прося не погубить и простить его дерзость. «Ничего, ничего, успокойся», отвѣтилъ царь, «я самъ былъ виноватъ: сунулся не въ свое дѣло».

На память о своемъ спасеніи, Петръ своими руками сдѣлалъ изъ дерева крестъ въ полторы сажени вышины и поставилъ на томъ мѣстѣ, гдѣ вышелъ на берегъ послѣ бури. На крестѣ была сдѣлана надпись: «сей крестъ сдѣлалъ шкиперъ Петръ въ лѣто Христово 1694». Теперь этотъ крестъ хранится въ Архангельскомъ каѳедральномъ соборѣ. Посѣтивъ Соловецкій монастырь, Петръ возвратился въ Архангельскъ. Сюда скоро прибылъ заказанный царемъ въ Голландіи корабль — сорокачетырехпушечный фрегатъ, названный «Св. Пророчество», — и державный шкиперъ отпраздновалъ его прибытіе большими пирами.

Черезъ нѣкоторое время онъ испробовалъ свои корабли. Нѣсколько иностранныхъ судовъ уходило изъ Архангельска, и Петръ рѣшилъ ихъ проводить во главѣ своего маленькаго флота, состоявшаго изъ трехъ кораблей.

Царь прошелъ все Бѣлое море, дошелъ до входа въ Сѣверный Ледовитый океанъ и вернулся въ Архангельскъ, пробывъ въ морѣ 10 дней. Во время своего пребыванія въ Архангельскѣ царь установилъ, какой долженъ быть русскій флагъ (бѣло-сине-красный). Флагъ этотъ съ тѣхъ поръ гордо развѣвается на всѣхъ нашихъ купеческихъ судахъ.

Вернувшись въ Москву, неутомимый Петръ принялся за другую свою забаву-ученье: за потѣшную войну. Подъ Москвою, вблизи Симонова монастыря, онъ устроилъ цѣлую примѣрную войну, длившуюся больше мѣсяца и получившую названіе Кожуховскаго похода. Потѣшные, рейтары (конница, обученная европейскому строю), стрѣльцы, раздѣленные на два войска, производили разные военные маневры, брали и обороняли крѣпости, рыли укрѣпленія, взрывали ихъ съ помощью пороха, однимъ словомъ все дѣлалось какъ на настоящей войнѣ.

Кожуховскій походъ былъ послѣднею потѣхою Петра. Молодой орелъ почувствовалъ свою силу и захотѣлъ расправить свои крылья. Царь рѣшилъ, что теперь уже пора приняться за настоящее дѣло и начать добиваться цѣли, которую онъ себѣ намѣтилъ- величія и славы своей родины.

Петръ, сблизившійся съ иностранцами, твер-

до рѣшилъ упрочить и усилить сношенія съ народами Западной Европы, разбить ту стѣну, которая уже нѣсколько вѣковъ отдѣляла Россію отъ всего свѣта и мѣшала ей развивать свои силы. Но вести постоянныя сношенія съ далекими европейскими народами можно только посредствомъ моря, потому что по сухому пути наши ближайшіе сосѣди, шведы и поляки, боящіеся усиленія Россіи, будутъ мѣшать намъ. Но хорошо сказать посредствомъ моря, а гдѣ его взять? Правда, берега одного моря—Бѣлаго—принадлежатъ Россіи, но оно очень далеко; сильные морозы позволяютъ входить и выходить изъ него только въ короткое лѣтнее время, затѣмъ и путь черезъ него въ Европу такъ далекъ и опасенъ, что нечего и думать завязать правильныя постоянныя сношенія съ другими народами черезъ отдаленный Архангельскъ.

Еще было два моря, по которымъ когда-то плавали русскія суда,—моря Балтійское и Черное, но это миновало. Казалось безвозвратно прошло то время, когда русскіе удальцы на своихъ быстрыхъ ладьяхъ носились по всему Черному, тогда называвшемуся Русскимъ, морю и подходили къ самымъ стѣнамъ Константинополя; когда купцы Новгородскіе, наполнивъ своими товарами корабли, спускались по Волхову, Ладожскому озеру и Невѣ въ Балтійское

море и плыли въ богатые заморскіе города, съ которыми вели большія дѣла. Многое съ тѣхъ поръ измѣнилось. Нѣмцы и шведы оттѣснили насъ отъ моря Балтійскаго, татары и турки отъ моря Чернаго. Петръ рѣшилъ вернуть Россіи и то и другое. Прежде всего Петръ захотѣлъ взять у турокъ крѣпость Азовъ, находившуюся у устьевъ Дона. Владѣя этой крѣпостью, русскіе могли бы свободно плавать по всему Азовскому морю и изъ него выходить въ Черное.

Еще въ правленіе Софьи началась война съ турками. Дѣйствія наши были неудачны, а затѣмъ и совсѣмъ прекратились, но мира еще не заключали. Петръ рѣшилъ возобновить военныя дѣйствія. Большая часть войска, подъ предводительствомъ боярина Шереметева, пошла на Крымъ, чтобы отвлечь вниманіе татаръ, а бывшіе потѣшные — преображенцы и семеновцы, вмѣстѣ съ другими обученными по новому полками, направились прямо на Азовъ. Бомбардирскую роту велъ бомбардиръ Петръ Алексѣевъ, то есть самъ царь.

Русскіе обложили Азовъ и принялись стрѣлять въ него изъ пушекъ. На одной батареѣ (окопанное землей мѣсто, гдѣ стоитъ нѣсколько пушекъ) бомбардиръ Петръ Алексѣевъ самъ начинялъ бомбы и гранаты и стрѣлялъ въ продолженіи двухъ недѣль. Впослѣдствіи Петръ

говорилъ о себѣ, что онъ началъ дѣйствительную службу съ перваго Азовскаго похода.

Несмотря на всѣ усилія царя и на то, что русскихъ было гораздо больше, чѣмъ турокъ, осада не подвигалась. Дѣло въ томъ, что, хотя русскіе съ сухого пути отрѣзали всякій доступъ въ Азовъ, но съ моря запереть его, не имѣя флота, не могли, и потому турецкіе корабли свободно подходили къ крѣпости, подвозя туда припасы и свѣжія войска, между тѣмъ какъ русскіе терпѣли во всемъ недостатокъ. Послѣ долгой осады русскимъ пришлось отступить.

Невесело было молодому царю возвратиться въ Москву, не одержавъ побѣды. Первый опытъ оказался неудачнымъ; противники Петра начали говорить: вотъ къ чему привели всѣ новыя затѣи и знакомство съ чужестранцами. Всѣ пали духомъ, но не палъ духомъ самъ Петръ. Всякаго человѣка подбадриваетъ побѣда, удача, но надо имѣть очень крѣпкій духъ, надо быть великимъ человѣкомъ, чтобы остаться бодрымъ послѣ пораженія. Молодой царь не только не сложилъ рукъ, не отказался отъ мысли овладѣть Азовомъ, но еще съ большимъ рвеніемъ принялся вновь за работу.

Во время осады Азова Петръ увидалъ, чего ему не достаетъ, - опытныхъ въ дѣлѣ веденія

осадъ инженеровъ, а главное—флота. И вотъ, едва вернувшись въ Москву, онъ посылаетъ заграницу приглашать на русскую службу инженеровъ и подкопныхъ мастеровъ, вызываетъ изъ Архангельска корабельныхъ плотниковъ, и работа закипаетъ. Несмотря на зиму, подъ Москвою быстро строили нѣсколько десятковъ гребныхъ морскихъ судовъ—галеръ. Надъ ними работали всѣ плотники, какихъ только могли достать, работали солдаты, и больше всѣхъ работалъ самъ царь, подавая собою всѣмъ примѣръ. По берегамъ Дона между тѣмъ строили разныя мелкія суда, и къ веснѣ все это было готово. Всѣ суда перевезли въ Воронежъ, сюда направили также войска, и весною 1696 г. новый флотъ поплылъ къ Азову.

На передовой, выстроенной имъ самимъ, галерѣ, плылъ Петръ, имѣвшій полное право писать, что «мы по приказу Божію къ прадѣду нашему Адаму въ потѣ лица своего ѣдимъ хлѣбъ свой». Но великіе труды Петра увѣнчались и великимъ успѣхомъ. Русскій флотъ загородилъ устья Дона, и турецкіе корабли не могли уже снабжать Азовъ всѣмъ необходимымъ. Въ небольшихъ схваткахъ, происходившихъ почти ежедневно, русскіе, одушевляемые примѣромъ своего царя, лично распоряжавшимся всѣмъ и поспѣвавшимъ всюду, одерживали

постоянно побѣду. Наконецъ турки, не видя себѣ ни откуда помощи, сдались. Радость Петра и всей Россіи была неописуема. Это была первая побѣда русскихъ надъ страшными турками, это былъ первый приморскій городъ, завоеванный Петромъ, первый шагъ къ новымъ побѣдамъ. Царь велѣлъ сильно укрѣпить взятый городъ, заложилъ недалеко отъ него, около мыса Таганрогъ, новую крѣпость и гавань (стоянку для кораблей) и вернулся въ Москву, гдѣ его возвращеніе было отпраздновано съ большимъ торжествомъ.

Азовскіе побѣдители были встрѣчены всей Москвой, и для нихъ были устроены особыя Тріумфальныя ворота. Главный начальникъ флота адмиралъ Лефортъ и предводитель сухопутнаго войска бояринъ Шеинъ ѣхали въ роскошныхъ колесницахъ, а рядомъ съ ними, въ мундирѣ капитана, скромно шелъ настоящій виновникъ торжества и побѣды — царь Петръ Алексѣевичъ.

Второй Азовскій походъ удался благодаря тому, что у русскихъ оказались морскіе корабли, и Петръ снова принялся за работу, чтобы создать постоянный и сильный флотъ, который помогъ бы ему удержать за собой завоеванное море. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ взятія Азова въ царской думѣ было по-

становлено, чтобы дворяне, духовенство и всякаго чина люди соединялись въ товарищества или «кумпанства», и чтобы каждое такое кумпанство выстроило на свой счетъ вполнѣ готовый къ плаванію корабль. Мѣстомъ для постройки новыхъ судовъ былъ назначенъ Воронежъ, рабочіе были собраны со всей Россіи, мастеровъ царь вызвалъ изъ Голландіи, Даніи, Швеціи и Италіи.

Но царь не захотѣлъ, чтобы и на будущее время наши корабли строились иностранными мастерами. Ему хотѣлось, чтобы сами русскіе научились этому, до сихъ поръ чуждому для нихъ, искусству, и вотъ появляется приказъ: отправить 50 молодыхъ людей знатныхъ родовъ въ Голландію, Англію и итальянскій городъ Венецію, то есть въ тѣ мѣста, гдѣ находились лучшія корабельныя верфи. Русскіе должны были учиться строить корабли и управлять ими, а затѣмъ, по возвращеніи на родину, сдѣлаться наставниками своихъ соотечественниковъ.

Молодые люди отправились, но Петру этого было мало. Онъ думалъ: «хорошо, они черезъ нѣкоторое время вернутся въ Россію и станутъ говорить, что научились всему, что надо, но какъ ихъ провѣрить? Какъ узнать, дѣйствительно ли они научились тому, о чемъ говорятъ.

и нѣтъ ли чего такого, чему они еще должны были научиться, да не захотѣли, полѣнились?»

Нетерпѣливый, жаждущій знанія и дѣятельности царь не могъ спокойно дожидаться, пока посланные вернутся обученными корабельному ремеслу. Онъ всегда хотѣлъ самъ все видѣть, все узнать, все сработать—вотъ онъ и поѣдетъ самъ въ чужія страны, чтобы увидать, чему и какъ надо учиться. Но одно дѣло задумать, а другое исполнить. Царь московскій не могъ ѣхать учиться, какъ простой дворянинъ,—его всюду будутъ встрѣчать съ подобающими ему почестями, ему придется всѣ дни проводить въ разныхъ пріемахъ и празднествахъ—гдѣ же тутъ будетъ учиться?

Однако Петръ нашелъ способъ избѣжать всего этого. Было снаряжено большое торжественное посольство въ важнѣйшія государства Европы для того, чтобы сговориться объ общемъ союзѣ противъ Турціи. Во главѣ посольства стояло нѣсколько знатныхъ людей, а среди дворянъ, составлявшихъ свиту пословъ, находился урядникъ Преображенскаго полка Петръ Михайловъ, и никто въ чужихъ краяхъ не долженъ былъ знать, что подъ этимъ скромнымъ именемъ скрывается Петръ Алексѣевичъ, самодержецъ всероссійскій.

Первыя впечатлѣнія молодого царя за гра-

ницей были непріятныя: въ Ригѣ, принадлежавшей тогда шведамъ, губернаторъ не позволилъ осмотрѣть городскія укрѣпленія, и раздосадованный Петръ поѣхалъ въ Курляндію, гдѣ въ городѣ Либавѣ впервые увидѣлъ Балтійское море, о которомъ такъ много думали его предки и онъ самъ.

Изъ Либавы царь одинъ отправился моремъ въ Пруссію и тамъ, въ ожиданіи посольства, ѣхавшаго сухимъ путемъ, не сталъ терять времени и началъ учиться артиллеріи — искусству обращаться съ пушками. Петръ въ короткое время оказалъ такіе успѣхи, что учитель далъ «господину Петру Михайлову» свидѣтельство, что онъ «въ непродолжительное время, къ общему изумленію, такіе оказалъ успѣхи и такія пріобрѣлъ свѣдѣнія, что вездѣ за исправнаго, осторожнаго, благоискуснаго, мужественнаго и безстрашнаго огнестрѣльнаго мастера и художника признаваемъ и почитаемъ быть можетъ».

Во все время своего заграничнаго путешествія Петръ старался отклонить отъ себя разныя чествованія, оставляя это на долю великихъ пословъ, а самъ, куда бы онъ ни пріѣзжалъ, проводилъ время по своему. Онъ старательно присматривался ко всему, что его интересовало, а интересовало его все, изъ чего

можно было извлечь какую нибудь пользу себѣ и своему народу. Онъ посѣщалъ крѣпости, фабрики, заводы, музеи, знакомился съ знаменитыми людьми, жившими въ тѣхъ городахъ, гдѣ онъ проѣзжалъ. Онъ поражалъ своихъ ученыхъ собесѣдниковъ быстротой и живостью ума, любознательностью и самыми разнообразными познаніями. Эти познанія были тѣмъ болѣе поразительны, что Петръ, какъ мы уже знаемъ, получилъ очень плохое образованіе и всѣмъ былъ обязанъ самому себѣ. Всѣ полученныя свѣдѣнія онъ тотчасъ примѣнялъ къ дѣлу, въ какой бы то ни было области. Петръ между прочимъ много занимался медициной и анатоміей (наука о строеніи человѣческаго тѣла) и хорошо зналъ ихъ. Такъ въ Голландіи, посѣтивъ одного знаменитаго въ то время врача, онъ, въ присутствіи хозяина и своей свиты, совершилъ удачную операцію надъ однимъ больнымъ, который вскорѣ послѣ этого выздоровѣлъ.

Заграницей у Петра не было ни одной свободной минуты. Онъ съ утра до вечера работалъ и осматривалъ различныя достопримѣчательности и доводилъ до полнаго изнеможенія приставленныхъ къ нему лицъ. Стоило Петру услышать о чемъ нибудь для него интересномъ, какъ онъ тотчасъ же приказывалъ вести себя туда, не обращая вниманія ни на время, ни на

что, и не было никакой возможности отговорить его отъ исполненія его желанія.

Изъ Пруссіи Петръ отправился въ Голландію, такъ какъ главною цѣлью его путешествія было изученіе мореплаванія и строенія кораблей, а Голландія въ то время славилась своими корабельными верфями, сами же голландцы слыли отличными моряками. Въ ближайшихъ къ главному городу Голландіи — Амстердаму — мѣстностяхъ находилось болѣе 50 верфей, гдѣ постоянно кипѣла работа, и корабли строились иногда въ 5 недѣль. Такая быстрота была возможна вслѣдствіе того, что въ странѣ было много лѣсопильныхъ, прядильныхъ и другихъ мельницъ, которыя доставляли нужныя для постройки лѣсъ, снасти и паруса, и потому ни въ чемъ не бывало задержки.

Пріѣхавъ въ Амстердамъ, Петръ не остался въ немъ, но сейчасъ же отправился въ небольшой городокъ Саардамъ, о корабельныхъ верфяхъ котораго много слышалъ еще въ Москвѣ, и тамъ поселился. Царь пріѣхалъ въ Саардамъ рано утромъ и, подъѣзжая къ пристани (изъ Амстердама въ Саардамъ велъ каналъ), увидалъ голландца, показавшагося ему знакомымъ. Подходитъ и видитъ, что это кузнецъ Кистъ, который еще недавно былъ въ Москвѣ.

«Здравствуй Кистъ», окликнулъ его Петръ.

Кистъ оглянулся, да такъ и остолбенѣлъ: стоитъ передъ нимъ царь московскій, но только одѣтый не по царски, а такъ, какъ одѣвались всѣ голландскіе рабочіе. Царь сказалъ Кисту, чтобы тотъ ни слова никому о немъ не говорилъ, и просилъ пріютить его. Кузнецъ сначала отказывался, говоря, что у него нѣтъ подходящаго для царя помѣщенія, но Петръ настоялъ на своемъ, поселился у Киста въ двухъ каморкахъ, нанялся на лучшую саардамскую верфь Рогге и принялся за работу.

Скоро весь Саардамъ зналъ красиваго русскаго великана—плотника, Петра Михайлова. Онъ жилъ очень скромно, посѣщалъ только семейства плотниковъ и другихъ мастеровъ, которые сами жили въ Россіи, и работалъ не покладая рукъ. Не даромъ на печати писемъ, присылавшихся Петромъ въ Россію изъ заграницы, значилось: «Азъ бо есмь въ чину учимыхъ и учащихъ мя требую».

Онъ учился даже въ свободное отъ работы на верфи время, гуляя по саардамскимъ фабрикамъ и заводамъ. Въ этихъ прогулкахъ онъ не довольствовался одними распросами, а старался самъ сдѣлать то, что дѣлали на его глазахъ другіе рабочіе. Такъ, посѣтивъ одну бумажную фабрику, Петръ долго присматривался къ работѣ,

наконецъ не утерпѣлъ, взялъ у ближайшаго работника форму, зачерпнулъ изъ чана бумажной массы и вылилъ листъ, да такъ удачно, что и опытному рабочему подъ стать. Другой разъ царь принялся помогать рабочимъ при постройкѣ мельницы. Эта мельница сохранилась до сихъ поръ и носитъ названіе «Великокняжеской».

Петръ старался по своему внѣшнему виду какъ можно болѣе походить на другихъ плотниковъ, носилъ, какъ и они, красную куртку, бѣлыя холстинныя панталоны и кожаную шляпу, но гордая, величественная осанка и нетерпѣливое, повелительное обращеніе скоро выдали его. По Саардаму стали толковать, что это не простой плотникъ, и вдругъ по всему городку разнесся слухъ: подъ именемъ Петра Михайлова скрывается никто другой, какъ самъ царь Московскій! Одинъ старый плотникъ зашелъ въ цирюльню и прочелъ тамъ письмо, полученное имъ отъ сына изъ Россіи. Въ этомъ письмѣ говорилось, что въ Москвѣ произошло невиданное чудо — самъ царь поѣхалъ заграницу, скрывая свое званіе, и навѣрное будетъ въ Голландіи. Въ письмѣ описывались также примѣты, по которымъ можно было узнать царя, если онъ какъ нибудь пріѣдетъ въ Саардамъ.

Въ это время въ цирюльню вошли русскіе

плотники, и въ ихъ числѣ Петръ. Всѣ взоры тотчасъ обратились на него, смотрятъ и видятъ, что примѣты, указанныя въ письмѣ, вполнѣ къ нему подходятъ — и рукой точно такъ же размахиваетъ, и головой трясетъ, и бородавка на щекѣ тоже есть. Скоро слухъ о томъ, что Петръ — царь московскій, еще подтвердился. Царь раздразнилъ уличныхъ мальчишекъ, которые стали бросать въ него пескомъ и грязью, и бургомистръ (городской голова) издалъ распоряженіе, чтобы никто не смѣлъ оскорблять знатныхъ иностранцевъ, которые хотятъ остаться неизвѣстными.

Послѣ этого никто больше не хотѣлъ вѣрить Петру, отказывавшемуся отъ болѣе удобной квартиры, говоря: «мы не знатные господа, а простые люди, намъ довольно и нашей каморки». Толпа народа всюду слѣдовала за Петромъ, окружала его домъ, и это наконецъ до того раздражило царя, что онъ переѣхалъ въ Амстердамъ.

Маленькій домикъ, гдѣ жилъ самый знаменитый плотникъ, который когда либо владѣлъ топоромъ, существуетъ въ Саардамѣ до сихъ поръ. Голландскій король подарилъ его покойному императору Александру III, и теперь этотъ дорогой для каждаго русскаго памятникъ тщательно оберегается отъ порчи и разрушенія.

Въ Амстердамъ въ это время прибыло наше посольство, и потому Петръ принималъ участіе въ многихъ празднествахъ, дававшихся въ честь московскихъ гостей, при чемъ голландцы, чтобы сдѣлать пріятное царю, показывали видъ, будто не знаютъ о его присутствіи.

Между прочимъ, чтобы доставить удовольствіе царю, голландцы устроили вблизи Амстердама примѣрный морской бой, и Петръ не утерпѣлъ —сѣлъ на одинъ изъ кораблей и приказалъ вести себя въ самую середину сраженія.

Бургомистромъ въ Амстердамѣ былъ въ это время Николай Витзенъ, по наслышкѣ уже знакомый царю, такъ какъ еще при царѣ Алексѣѣ Михаиловичѣ этотъ Витзенъ былъ въ Россіи и съ тѣхъ поръ находился въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Москвой. Къ Витзену Петръ обратился съ просьбой помѣстить его на какую нибудь верфь, и тотъ свезъ его на самую большую и лучшую Амстердамскую верфь, гдѣ нарочно для царя начали постройку новаго фрегата.

Петръ и въ Амстердамѣ очень сердился, когда ему оказывали царскія почести, и требовалъ, чтобы съ нимъ обращались, какъ съ простымъ рабочимъ. Вѣсть, что на амстердамскихъ верфяхъ работаетъ какъ простой плот-

никъ самъ царь московскій, понятно, быстро распространилась повсюду, и со всей Голландіи и сосѣднихъ съ нею странъ пріѣзжали люди, чтобы посмотрѣть на невиданное зрѣлище — царя, не гнушающагося никакой, даже самой грубой работой, чтобы потомъ имѣть возможность показывать примѣръ своему народу. Когда любопытные пріѣзжали на верфь, гдѣ работалъ Петръ, и просили показать его, то мастеръ, наблюдавшій за работами, обыкновенно кричалъ — «плотникъ Петръ Саардамскій» или «мастеръ Петръ, принеси сюда это бревно или сдѣлай то-то», — и царь немедленно исполнялъ все. Но за то стоило только обратиться къ нему со словами «Ваше Величество», какъ онъ тотчасъ же поворачивался спиной и уходилъ, не произнося ни одного слова.

Учась кораблестроенію, Петръ все время думалъ о тѣхъ побѣдахъ, которыя могли быть, съ помощью флота, одержаны русскими надъ ихъ исконными врагами — турками. Такъ онъ писалъ въ Москву патріарху Адріану: «мы въ Нидерландахъ, въ городѣ Амстердамѣ, благодатію Божіею и вашими молитвами, въ добромъ состояніи живы и, послѣдуя Божію слову, бывшему къ праотцу Адаму, трудимся, что чинимъ не отъ нужды, но добраго ради пріобрѣтенія морского пути, дабы, искусясь совершенно,

могли возвратясь противъ враговъ имени Іисуса Христа побѣдителями быть».

Кромѣ работъ на верфи, Петръ въ Амстердамѣ осматривалъ всѣ достопримѣчательности города — госпитали, воспитательные дома, фабрики, мастерскія. Работая на верфи и осматривая различныя интересовавшія его вещи, Петръ не забывалъ дѣлъ государственныхъ, и почти ежедневно въ далекую Москву летѣли различные приказы на получавшіяся оттуда донесенія.

Нужно было имѣть богатырскія силы Петра и его жажду знанія, чтобы вынести такую работу. Петръ прожилъ въ Голландіи четыре мѣсяца и покинулъ амстердамскую верфь только послѣ того, какъ по его словамъ «своими трудами и мастерствомъ новый корабль построилъ и на воду спустилъ».

Но въ корабельной наукѣ было много такого, что и въ Голландіи плохо знали. Опять запечалился царь. «Дѣло стало противно», писалъ онъ впослѣдствіи, «что такой далекій путь для него воспріялъ, а желаемаго конца не достигъ».

Къ счастью ему сказали, что въ Англіи онъ можетъ узнать то, что его интересовало. Ни минуты не сталъ медлить Петръ, живо собрался и уѣхалъ въ Англію, куда его уже давно при-

главлялъ король англійскій Вильгельмъ. Въ Англіи, сначала въ столицѣ ея Лондонѣ, а затѣмъ въ небольшомъ приморскомъ городѣ Депфордѣ, Петръ прожилъ больше трехъ мѣсяцевъ и до тонкостей изучилъ тамъ кораблестроеніе и вообще морское дѣло.

Во время своего житья въ Англіи царь пригласилъ на русскую службу нѣсколько десятковъ ученыхъ и мастеровъ; много народа, главнымъ образомъ моряки, поступили на его службу и въ Голландіи.

Изъ Англіи царь поѣхалъ въ Вѣну; видѣлся тамъ съ германскимъ императоромъ Леопольдомъ, и они уговорились между собою относительно Турціи. Было рѣшено, въ случаѣ заключенія мира, настаивать, чтобы за Россіей были оставлены всѣ ея новыя завоеванія — Азовъ и другіе города. Изъ Вѣны Петръ хотѣлъ ѣхать въ итальянскій городъ Венецію, славившійся постройкой галеръ (гребныя морскія суда), какъ вдругъ получилъ извѣстіе о новомъ возмущеніи стрѣльцовъ и поспѣшилъ въ Москву.

Въ Россіи въ это время было очень много недовольныхъ молодымъ царемъ. Приверженцы старины, уже давно упрекавшіе Петра за его любовь ко всему новому, иностранному, еще болѣе возмутились, когда онъ самъ поѣхалъ въ

чужія страны. «Совсѣмъ онъ тамъ обасурманится, забудетъ старое благочестіе и обычаи отцовъ и дѣдовъ», говорили они. Особенно недовольны были стрѣльцы, которыхъ стали посылать въ далекіе и трудные походы, тогда какъ они привыкли спокойно сидѣть въ Москвѣ. Наконецъ между ними прошелъ слухъ, что государя за моремъ убили, и что нѣмцы хотятъ ихъ всѣхъ перебить. Стрѣльцы двинулись къ Москвѣ. Недалеко отъ нея ихъ встрѣтило войско подъ начальствомъ боярина Шеина и генерала Гордона. Шеинъ и Гордонъ стали уговаривать стрѣльцовъ покориться, но они не хотѣли ничего слушать. Тогда воеводы приказали стрѣлять изъ пушекъ, и нестройныя толпы стрѣльцовъ, неимѣвшія предводителей, въ ужасѣ разсѣялись во всѣ стороны.

Петръ, тотчасъ по своемъ возвращеніи принялся за разслѣдованіе стрѣлецкаго возмущенія. Многіе стрѣльцы показали, что дѣйствовали по наущенію бывшей правительницы Софьи Алексѣевны. Царь, видя, что съ властолюбивой сестрой добромъ не совладаешь, нарядилъ надъ ней судъ выборныхъ изъ всѣхъ чиновъ людей. Царевна была пострижена подъ именемъ Сусанны и заключена въ монастырь.

Послѣ стрѣлецкаго бунта скоро началась

великая война между Россіей и Швеціей, тянувшаяся болѣе 20 лѣтъ и окончившаяся полнымъ пораженіемъ шведовъ, которые уступили Петру Великому значительную часть побережья Балтійскаго моря. Объ этой войнѣ, сразу выдвинувшей Россію и поставившей ее наряду съ первыми европейскими государствами, и во время которой ярче всего высказался геній Петра, поговоримъ въ слѣдующей бесѣдѣ.

ЧТЕНІЕ ВТОРОЕ.

Войны Петра Великаго за обладаніе Балтійскимъ и Каспійскимъ морями.

Съ молодыхъ лѣтъ Петра Великаго крѣпко занимала мысль овладѣть хотя бы одной гаванью на Балтійскомъ морѣ. Имѣя доступъ къ Балтійскому морю и выстроивъ тамъ военный и торговый флотъ, можно было всегда свободно сноситься со всѣми европейскими государствами, не боясь, что въ случаѣ войны съ сосѣдями эти послѣдніе запрутъ намъ выходъ въ другія страны. Море не то, что суша, и даже если по немъ будутъ плавать вражескіе корабли, то все таки имъ трудно прервать всѣ сношенія наши съ другими народами. Но всѣмъ побережьемъ Балтійскаго моря, лежавшимъ около Россіи, владѣла въ тѣ времена Швеція, и потому для завладѣнія желанной гаванью русскимъ приходилось вести войну со шведами.

Чтобы не имѣть на рукахъ двухъ войнъ,

Петръ рѣшилъ поскорѣй заключить миръ съ турками, съ которыми онъ воевалъ для пріобрѣтенія береговъ другаго моря — Азовскаго. Турецкая война для Россіи была очень удачна, и переговоры о мирѣ велись уже давно, но турки все затягивали ихъ, не соглашаясь уступить Азова и другихъ завоеванныхъ рускими городовъ.

Петръ рѣшилъ тогда показать Турціи, насколько увеличилось за послѣдніе годы его могущество, — велѣлъ снарядить большой военный корабль и отправилъ на немъ своего посланника Украинцева въ самую столицу турокъ — Константинополь. Самъ царь съ большимъ флотомъ провожалъ Украинцева до крѣпости Керчи, лежащей въ проливѣ между Чернымъ и Азовскимъ морями, и своимъ появленіемъ тамъ сильно напугалъ турокъ. Но еще сильнѣе испугались они, когда увидали, что рускій военный корабль остановился у самыхъ стѣнъ султанскаго дворца. Турки убѣдились, что у рускихъ есть теперь сильный флотъ, который въ случаѣ войны можетъ надѣлать много бѣдъ ихъ приморскимъ городамъ, и поспѣшили заключить миръ.

По этому миру за рускими остались ихъ новыя завоеванія, и крымскій ханъ отказался отъ ежегодныхъ, присылавшихся ему изъ Мос-

квы, поминокъ—этого послѣдняго слѣда татарскаго ига.

Петръ очень обрадовался заключенію мира съ турками и дѣятельно началъ готовиться къ новой войнѣ, которая должна была имѣть важныя послѣдствія для Россіи.

Швеція въ это время была могущественнымъ государствомъ, шведское войско считалось лучшимъ во всей Европѣ, и потому молодой Россіи нечего было и думать начинать войну безъ союзниковъ. Но союзники нашлись легко. Шведы завоевали много земель у Даніи и Польши, а потому, когда Петръ предложилъ датскому и польскому королямъ соединиться противъ Швеціи, тѣ съ радостью согласились заключить союзъ.

Въ августѣ 1700 года Петръ объявилъ Швеціи войну, тянувшуюся двадцать одинъ годъ и получившую впослѣдствіи названіе Великой Сѣверной войны.

Союзники должны были внезапно съ трехъ сторонъ двинуться на шведовъ и разбить ихъ. На дѣлѣ вышло однако совсѣмъ другое.

Шведскимъ королемъ тогда былъ Карлъ XII, совсѣмъ еще юноша (ему было только восемнадцать лѣтъ), но съ необыкновенными военными дарованіями, рѣшительный, неутомимый и очень любимый своими солдатами, съ кото-

рыми онъ раздѣлялъ всѣ невзгоды походной жизни. Узнавъ о замыслахъ союзниковъ, Карлъ быстро собралъ небольшое, но храброе и прекрасно обученное войско, перешелъ черезъ проливъ, отдѣляющій Швецію отъ Даніи, и внезапно явился подъ стѣнами датской столицы Копенгагена. Испуганный король датскій, чтобы спасти свою столицу, заключилъ миръ съ молодымъ побѣдителемъ и отказался отъ своихъ союзниковъ. Карлъ обратился теперь противъ московскаго царя.

Русскіе тотчасъ послѣ объявленія войны двинулись къ лежавшей вблизи моря шведской крѣпости Нарвѣ и осадили ее. Наше войско состояло изъ 40,000 человѣкъ, но это все были новобранцы, непривычные къ походамъ, еще плохо усвоившіе себѣ новую военную науку, а главное— плохо довѣрявшіе своимъ начальникамъ, въ большинствѣ иноземцамъ, такъ какъ своихъ опытныхъ офицеровъ у насъ въ это время было очень мало. Начальствовалъ надъ войскомъ тоже иноземецъ: генералъ герцогъ де-Круа.

Шведскій король, имѣя съ собою только 8500 человѣкъ, быстро подошелъ къ Нарвѣ и смѣло напалъ на русскихъ. Наши неопытные солдаты не выдержали сильнаго натиска, смутились и бѣжали. Сотни русскихъ погибли

отъ руки враговъ, нѣсколько тысячъ потонуло во время бѣгства въ рѣкѣ Наровѣ, всѣ пушки и много плѣнныхъ, въ томъ числѣ 10 генераловъ, достались шведамъ. Не побѣжали только два полка, любимые Петромъ, Преображенцы и Семеновцы, составленные изъ бывшихъ потѣшныхъ. Они цѣлый день храбро отбивали всѣ нападенія шведовъ, а затѣмъ въ порядкѣ отступили отъ Нарвы.

Послѣ своей побѣды Карлъ рѣшилъ не преслѣдовать русскихъ, говоря, что онъ ихъ разобьетъ всегда, когда только встрѣтитъ, и пошелъ на своего третьяго врага, — короля польскаго Августа. Это спасло Россію, давъ Петру время собраться съ силами.

Послѣ Нарвскаго пораженія, какъ и послѣ неудачнаго перваго Азовскаго похода, Петръ не палъ духомъ. Какъ ни тяжело было пораженіе, но царь всѣ силы свои направилъ къ тому, чтобы не было отъ него тяжелыхъ для Россіи послѣдствій. У русскихъ въ это время не оставалось ни войска, ни пушекъ, ни крѣпостей для защиты страны въ случаѣ, если Карлъ пойдетъ на Москву; все это надо было создать и Петръ создалъ.

Онъ лично отправился въ Новгородъ и Псковъ, велѣлъ укрѣплять эти города, и въ скоромъ времени выросли тамъ сильныя крѣ-

ности. Старъ и младъ работали надъ укрѣпленіями. Въ Новгородѣ престарѣлый архіепископъ Іовъ самъ вышелъ на городскую стѣну, чтобы своимъ примѣромъ воодушевить гражданъ.

Изъ остатковъ разбитыхъ при Нарвѣ полковъ и изъ новыхъ рекрутъ было составлено войско и обучено, насколько позволяло время. Не доставало только артиллеріи. Старыя пушки были взяты шведами подъ Нарвой. а новыхъ не откуда было взять — не было мѣди готовой. Но Петръ и тутъ не потерялся. Онъ велѣлъ со всего государства, съ церквей и монастырей, собрать часть колоколовъ, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ было отлито больше 300 пушекъ. Карлъ XII все это время находился въ Польшѣ, воюя съ польскимъ королемъ Августомъ. Во всѣхъ почти сраженіяхъ шведы оставались побѣдителями, но Карлу хотѣлось въ конецъ добить своего противника, и поэтому онъ гонялся за нимъ по пятамъ, по всей странѣ, билъ при каждой встрѣчѣ, но окончательно добить не могъ.

Петръ, какъ мы видѣли, прекрасно воспользовался тѣмъ, что «шведъ», по его выраженію, «увязъ въ Польшѣ», и, какъ только русскія войска и артиллерія оказались немного подготовленными, перешелъ въ наступленіе.

Царю нужно было непремѣнно самому напасть на непріятеля; нужно это было прежде всего для того, чтобы вдохнуть храбрость въ свои войска, а затѣмъ, чтобъ и союзники и враги его увидали, что русскіе послѣ Нарвскаго пораженія не лишились ни силы, ни мужества, и что ихъ далеко нельзя считать побѣжденными. И Петръ дѣйствительно доказалъ это.

Уходя съ главнымъ своимъ войскомъ въ Польшу, Карлъ оставилъ въ пограничныхъ съ Россіей шведскихъ областяхъ—Лифляндіи и Эстляндіи—одного изъ своихъ лучшихъ генераловъ — Шлиппенбаха. Противъ этого-то Шлиппенбаха Петръ послалъ войско подъ предводительствомъ боярина Шереметева.

Сначала между русскими и шведами происходили лишь небольшія схватки, но въ декабрѣ 1701 года Шереметеву удалось на голову разбить Шлиппенбаха при деревнѣ Эрестферѣ. Во время битвы было убито около 3000 шведовъ, русскіе же потеряли втрое меньше.

Велика была радость царя и всей Россіи при извѣстіи объ эрестферской побѣдѣ! Русскіе показали, что они могутъ не только сражаться со Шведами, но и побѣждать ихъ. Позоръ нарвскаго пораженія былъ смытъ подъ Эрестферомъ непріятельской кровью.

Въ Москвѣ побѣда была отпразднована торжественно: цѣлый день во всѣхъ церквахъ звонили въ колокола, служили благодарственные молебны, постоянно раздавались залпы изъ пушекъ, а на кремлевскихъ стѣнахъ гордо развѣвались знамена, отнятыя у шведовъ и присланныя Шереметевымъ въ Москву. Самого Шереметева обрадованный Петръ наградилъ по царски: побѣдитель шведовъ былъ сдѣланъ генералъ-фельдмаршаломъ (высшій военный чинъ), получилъ царскій портретъ, усыпанный драгоцѣнными камнями, и недавно передъ тѣмъ учрежденный Петромъ орденъ св. Андрея Первозваннаго.

Прошло полгода, и Шереметевъ снова нанесъ страшное пораженіе тому-же шведскому генералу Шлиппенбаху, причемъ шведы опять потеряли гораздо больше убитыхъ и раненыхъ, чѣмъ мы.

Самъ Петръ въ это время находился въ Архангельскѣ, потому что прошелъ слухъ, будто шведы хотятъ овладѣть и этой единственной русской морской пристанью и тѣмъ совершенно отрѣзать насъ отъ открытаго моря. Слава Богу, слухъ оказался ложнымъ, и осенью Петръ уже былъ на берегахъ Ладожскаго озера, подготовляясь къ новому походу противъ Шведовъ.

При истокѣ Невы изъ Ладожскаго озера въ древнія времена стояла новгородская крѣпость Орѣшекъ, но въ смутное время ею овладѣли шведы и назвали Нотебургомъ. Вотъ противъ этого-то Нотебурга и повелъ Петръ прежде всего свои войска. Крѣпость была очень сильно вооружена, шведы храбро защищались, но царь самъ показывалъ своимъ солдатамъ примѣръ храбрости и неутомимости, — и 11 октября Нотебургъ сдался. О взятіи древняго Орѣшка Петръ писалъ: «зѣло жестокъ сей орѣхъ былъ, однако, слава Богу, счастливо разгрызенъ». Царь переименовалъ Нотебургъ въ Шлиссельбургъ, что значитъ Ключъ-городъ, потому что этотъ городокъ, лежащій у самаго истока Невы, былъ какъ бы настоящимъ ключемъ, посредствомъ котораго можно запирать или открывать плаваніе по ней.

Прошла зима, и Петръ двинулся внизъ по Невѣ, направляясь къ морю. Недалеко отъ устья Невы, тамъ, гдѣ теперь расположенъ одинъ изъ пригородовъ Петербурга — Охта, стоялъ небольшой шведскій городокъ Ніеншанцъ или Канцы. Русскіе осадили его и скоро взяли. На слѣдующій день караульные донесли царю, что на взморьѣ показались шведскіе военные корабли. Петръ сейчасъ же посадилъ оба гвардейскихъ полка (Преображен-

скій и Семеновскій) на лодки, подкрался къ двумъ вошедшимъ въ самую Неву шведскимъ судамъ и съ криками ура бросился на неждавшаго нападенія непріятеля. Шведскія суда были вооружены пушками, у русскихъ ихъ не было ни одной, но все же шведы должны были сдаться. Этой побѣдой завершилось завоеваніе береговъ Невы—Петръ былъ наконецъ у такъ давно желаннаго моря.

Непригляды были въ тѣ времена мѣста, гдѣ теперь раскинулась великолѣпная столица Россіи—Петербургъ и его, покрытыя роскошными парками и украшенныя загородными дворцами, окрестности. Берега Невы были по большей части очень топки, по обѣимъ сторонамъ ея тянулись или болота, или лѣса, гдѣ водились дикіе звѣри.

Жителей въ этой мѣстности было очень мало,—только изрѣдка попадались бѣдныя деревушки, населенныя финнами, или чухнами, промышлявшими рыбной ловлей въ глубокихъ водахъ Невы и прибрежныхъ мѣстахъ Финскаго залива. Иногда среди чухонъ встрѣчались и русскіе поселки, но ихъ было очень мало, и вообще весь край былъ крайне безлюденъ.

Но какъ ни былъ пустыненъ и унылъ этотъ край, какъ ни былъ суровъ сырой климатъ

низкихъ, ежегодно затопляемыхъ наводненіями, Невскихъ береговъ, Петръ не могъ налюбоваться на свои новыя завоеванія. И не мудрено это было: — завладѣвъ берегами Невы, русскіе получили доступъ къ морю, а царь только о томъ и думалъ, чтобы добраться до моря и черезъ него сблизиться съ другими народами, примѣръ которыхъ долженъ былъ пробудить богатырскія силы горячо любимой имъ родины и заставить ее встряхнуться, какъ сказочнаго богатыря послѣ долгаго, вѣкового сна.

Но мало было достигнуть морскаго побережья, нужно было укрѣпиться на немъ, — и Петръ начинаетъ искать мѣсто, гдѣ бы ему построить большой торговый городъ и такимъ образомъ «ногою твердой стать при морѣ».

Сначала царь думалъ заняться лишь укрѣпленіемъ и увеличеніемъ только что взятаго имъ Ніеншанца, но вотъ бѣда—Ніеншанцъ стоитъ довольно далеко отъ устья Невы, морскимъ кораблямъ нельзя будетъ подходить къ нему — надо, значитъ, искать удобное мѣсто поближе къ морю.

Петръ объѣздилъ всѣ острова, образуемые Невой при ея впаденіи въ Финскій заливъ, и больше всего понравился ему одинъ небольшой островокъ, называвшійся по фински Енни-Саари, то есть Заячій островъ.

Всѣ находившіяся поблизости войска, всѣ приближенные царскіе собрались на этомъ островѣ, и въ день св. Троицы, 16 мая 1703 года, Петръ, при громѣ пушечныхъ и ружейныхъ выстрѣловъ, заложилъ на немъ крѣпость. Крѣпость названа была Санктъ-Петербургомъ (по русски: городъ св. Петра), и царь отпраздновалъ это радостное для него событіе устройствомъ большого пира не только для своихъ приближенныхъ, но и для всего войска.

Когда живой умъ Петра останавливался на какой нибудь мысли, то онъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы какъ можно скорѣе привести ее къ исполненію. Живая, кипучая природа царя не выносила ни въ чемъ медленности,— онъ самъ весь отдавался дѣлу и неустанно требовалъ того же ото всѣхъ, начиная съ простого работника и кончая важнѣйшими людьми въ государствѣ. Не мудрено поэтому, что прошло лишь нѣсколько мѣсяцевъ послѣ основанія Петербурга, а уже ближайшіе къ крѣпости острова и противоположный лѣвый берегъ Невы были расчищены отъ лѣса и застраивались съ сказочной быстротой. Царь самъ чертилъ планъ города и указывалъ, кому, гдѣ и какъ строиться.

Сначала надъ постройкой крѣпости и го-

рода работали солдаты, но скоро этого оказалось мало. Тогда полетѣли во всѣ концы Россіи царскіе указы. Одинъ изъ указовъ вызываетъ въ Петербургъ тысячи каменьщиковъ, плотниковъ, землекоповъ и другихъ мастеровъ и рабочихъ; согласно другому, вблизи Петербурга устраиваются лѣсопильные и кирпичные заводы; третій повелѣваетъ всѣмъ знатнымъ и богатымъ людямъ строить дома въ новомъ городѣ; четвертый разрѣшаетъ на извѣстное время постройку каменныхъ зданій лишь на однихъ берегахъ Невы, запрещая это во всемъ остальномъ государствѣ.

Желая угодить царю, всѣ, кто только могъ, просили у него мѣста подъ постройку себѣ домовъ въ Петербургѣ, и царь съ радостью давалъ даромъ землю и нерѣдко самъ производилъ закладку. Приказывая своимъ приближеннымъ строить дома, державный основатель Петербурга прежде всего выстроилъ домъ для себя самого—домъ, существующій до сихъ поръ и привлекающій ежедневно сотни посѣтителей, это всѣмъ извѣстный «Домикъ Петра Великаго» съ часовней Спасителя.

Глядя на этотъ маленькій, состоящій изъ двухъ комнатъ, домикъ, трудно повѣрить, что въ немъ жилъ одинъ изъ величайшихъ государей, которые когда либо существовали, и

всякій посѣтитель наглядно убѣждается въ простотѣ жизни Петра Великаго. Посѣтивъ этотъ домикъ, каждый можетъ убѣдиться и въ трудолюбіи Петра, такъ какъ одна изъ двухъ комнатъ (другая —часовня) наполнена вещами, собственноручно сдѣланными изъ дерева и кости великимъ хозяиномъ домика.

Черезъ полгода послѣ основанія Петербурга въ немъ торжественно праздновали одно радостное событіе — прибытіе перваго корабля. Это былъ голландскій корабль, нагруженный виномъ и солью и зашедшій въ Неву совершенно случайно, такъ какъ его капитанъ еще и не зналъ о существованіи Петербурга. Самъ царь въ это время былъ въ Москвѣ, но его любимецъ князь Меншиковъ, назначенный имъ петербургскимъ губернаторомъ, понималъ, какъ важно пріохотить иностранцевъ приходить на своихъ корабляхъ въ новую гавань, и устроилъ первымъ иностраннымъ гостямъ Петербурга торжественную встрѣчу. Онъ купилъ у голландцевъ всѣ ихъ товары, пригласилъ ихъ къ себѣ обѣдать, на славу угостилъ и подарилъ имъ въ награду за приходъ 500 золотыхъ. Меншиковъ отъ царскаго имени обѣщалъ затѣмъ 300 золотыхъ слѣдующему кораблю, который придетъ въ Петербургъ, и 150 —третьему.

Вѣсть объ основаніи новаго русскаго при-

морскаго города и о ласковомъ пріемѣ, оказываемомъ тамъ иностранцамъ, быстро распространилась по всей Европѣ, и скоро десятки кораблей, нагруженныхъ разными товарами, поплыли къ Петербургу. Каждый корабль встрѣчалъ очень дружелюбный пріемъ, всѣ товары раскупались быстро и по выгодной для иностранныхъ купцовъ цѣнѣ.

Одинъ разъ, когда Петръ былъ въ своемъ новомъ городѣ, ему доложили, что въ устьѣ Невы показался купеческій корабль. Царь сейчасъ же переодѣлся въ платье простого лоцмана и поѣхалъ на корабль, оказавшійся англійскимъ. Петръ, выдавъ себя за лоцмана, всталъ у руля и провелъ корабль до пристани. Капитанъ хотѣлъ заплатить лоцману за услуги, но тотъ отказался отъ всякой платы и согласился только взять въ видѣ подарка кусокъ матеріи. На слѣдующій день англичанина позвали къ царю. Морякъ отправился во дворецъ, и каково было его удивленіе, когда въ русскомъ царѣ, слава котораго уже давно гремѣла по всему свѣту, онъ узналъ своего вчерашняго лоцмана. Петръ ласково обошелся съ морякомъ, позвалъ къ себѣ обѣдать и купилъ всѣ его товары.

Заботясь объ увеличеніи и украшеніи Петербурга, Петръ не менѣе заботился и объ

огражденія его отъ нападеній враговъ. Въ двадцати пяти верстахъ отъ города, въ Финскомъ заливѣ, лежитъ длинный и узкій островъ Котлинъ, мимо котораго долженъ пройти каждый направляющійся къ Петербургу корабль. Царь, изъѣздившій всѣ Петербургскія окрестности, побывалъ и на этомъ островѣ и тотчасъ увидалъ, что если тутъ заложить хорошую крѣпость, то Петербургъ сдѣлается съ моря неприступнымъ, такъ какъ пушки крѣпости потопятъ каждый вражескій корабль, который осмѣлится пройти мимо Котлина.

Задумать, значило для великаго царя исполнить, онъ самъ чертилъ планъ новой крѣпости, и по его повелѣнію Меншиковъ воздвигаетъ на Котлинѣ крѣпость Кронштадтскую, считающуюся теперь, вмѣстѣ со своими фортами, одной изъ лучшихъ во всемъ свѣтѣ.

Иностранные корабли стали приходить въ Петербургъ, и видъ ихъ флаговъ на Невѣ сильно радовалъ царя. Но ему еще сильнѣе хотѣлось видѣть тамъ свой русскій флагъ; ему нужно было выставить противъ шведскаго флота, постоянно шнырявшаго около устья Невы, свой собственный и постараться прогнать съ его помощью враговъ. Нужно построить корабельную верфь, но гдѣ? Петръ ѣдетъ на Ладожское озеро и недалеко отъ него, на бе-

регу впадающей въ озеро глубокой рѣки Свири выбираетъ мѣсто, называемое Лодейнымъ Полемъ, и закладываетъ тутъ корабельную верфь. Закипѣла работа на Лодейномъ Полѣ. Съ Петровской быстротой строятся тамъ военные корабли, которые затѣмъ по Свири, Ладожскому озеру и Невѣ спускаются къ Петербургу. Радостно зашумѣли Невскія волны, катившія когда то ладьи новгородскихъ и псковскихъ удальцовъ, почувствовавъ на себѣ снова невиданныя много, много лѣтъ, русскія суда, заслышавъ русскую рѣчь.

Война со Швеціей шла между тѣмъ своимъ чередомъ. Шведы не могли, понятно, спокойно смотрѣть, какъ русскіе укрѣпляются въ странѣ, которую они, шведы, привыкли считать своей. Ихъ отряды не разъ старались помѣшать постройкѣ новаго города и прогнать русскихъ восвояси, но наши войска, подъ предводительствомъ сначала самого царя, а затѣмъ Меншикова и Брюса, каждый разъ заставляли враговъ отступать съ большими потерями. Въ лежавшихъ у Балтійскаго моря шведскихъ областяхъ—Ингерманландіи и Эстляндіи фельдмаршалъ Шереметевъ также продолжалъ наносить шведамъ одно пораженіе за другимъ и завоевалъ много городовъ, изъ которыхъ большинство въ прежнее время при-

надлежало русскимъ—Копорье, Ямъ, Иванъ-Городъ, Юрьевъ, основанный еще великимъ княземъ кіевскимъ Ярославомъ Мудрымъ и переименованный Шведами въ Дерптъ. Самъ царь вторично осадилъ Нарву, и послѣ отчаянной защиты эта сильная крѣпость была взята тѣми самыми русскими, чье бѣгство она видѣла четыре года передъ тѣмъ.

Карлъ XII увидалъ наконецъ, что ему нужно обратить всѣ свои силы противъ русскаго царя и сломить въ конецъ этого противника, начавшаго разбивать одного за другимъ шведскихъ генераловъ.

Бòльшая часть русской арміи, подъ начальствомъ иностраннаго генерала Огильви (Шереметевъ былъ посланъ царемъ въ Астрахань усмирять мятежъ, возникшій тамъ подъ вліяніемъ слуховъ, будто царь хочетъ обасурманить всю Россію), находилась въ литовскомъ городѣ Гроднѣ. Карлъ быстро двинулся туда и отрѣзалъ было русскихъ отъ родины, но, благодаря искуснымъ распоряженіямъ Петра, явившаго себя прекраснымъ полководцемъ, наши войска успѣли во время отступить. Въ это время разбитый на голову польскій король Августъ заключилъ со шведами миръ, и Петръ увидѣлъ себя совершенно одинокимъ, безъ союзниковъ. Вся тяжесть войны падала на рус-

скаго царя, и онъ дѣятельно готовился къ защитѣ. Желая однако прекратить войну, разорительную для начинавшей только что развивать свою промышленность и торговлю Россіи, онъ старался заключить миръ съ Карломъ XII, просилъ оставить ему только одинъ приморскій городъ, соглашаясь отдать всѣ свои другія завоеванія, но гордый и самонадѣянный Карлъ не хотѣлъ ничего уступить, и царь принялъ войну, полагаясь на Бога.

Шведы вступили въ русскія владѣнія и направились въ Малороссію, куда ихъ призывалъ измѣнившій своему государю главный начальникъ малороссійскихъ казаковъ —гетманъ Мазепа. Мазепа, облагодѣтельствованный Петромъ, думалъ, что русскимъ не устоять противъ шведовъ, и надѣялся измѣной своему благодѣтелю заслужить благоволеніе и милости Карла XII. Онъ надѣялся увлечь за собой всю страну, но малороссы съ негодованіемъ отнеслись къ измѣнѣ своего гетмана, и Мазепа присоединился къ шведскому войску только съ небольшимъ отрядомъ приверженцевъ.

Шведамъ приходилось очень плохо отъ недостатка въ пищѣ и въ кормѣ для лошадей, такъ какъ русскіе, по приказу Петра, разоряли всю мѣстность, по которой шло шведское войско. Тогда Карлъ вызвалъ съ бере-

говъ Балтійскаго моря одного изъ своихъ генераловъ Левенгаупта, который кромѣ большого отряда и сильной артиллеріи долженъ былъ привезти какъ можно больше припасовъ и съѣстныхъ, и военныхъ (пороха, пуль, ядеръ, бомбъ). Петру удалось настичь Левенгаупта до его соединенія съ главною шведскою арміей, и при деревнѣ Лѣсной шведы были на голову разбиты. Они потеряли нѣсколько тысячъ убитыми, но главное лишились всего обоза, такъ что Левенгауптъ привелъ Карлу нѣсколько разстроенныхъ полковъ, не доставивъ голодающимъ шведамъ ни одного сухаря. Побѣда при Лѣсной имѣла очень большое значеніе еще и потому, что здѣсь русскіе въ первый разъ сражались со шведами въ равномъ числѣ и все таки разбили ихъ, доказавъ, что совершенно сравнялись съ лучшимъ въ Европѣ войскомъ. Петръ писалъ про эту побѣду, что «здѣсь первая солдатская проба была».

Проведя зиму въ разоренной Малороссіи, Карлъ весною осадилъ Полтаву. Городъ этотъ былъ плохо укрѣпленъ, но находившійся въ немъ русскій отрядъ защищался такъ храбро, что въ продолженіи цѣлаго мѣсяца шведы никакъ не могли взять Полтавы. Наконецъ, силы русскихъ совершенно истощились, и Петръ,

чтобы спасти крѣпость, положилъ дать рѣшительное сраженіе.

Шведское войско было очень утомлено и обезсилено тяжелыми переходами и голодомъ, почему всѣ приближенные совѣтовали Карлу отступить отъ Полтавы и подождать подкрѣпленій; но самонадѣянный и упрямый Карлъ отвѣтилъ: «Если бы Богъ послалъ ангела небеснаго съ приказаніемъ отступить отъ Полтавы, то я и тогда не отступилъ бы».

27 іюня 1709 года наши войска сошлись со шведскими — «и грянулъ бой, Полтавскій бой!»

Еще накануне ночью Карлъ слишкомъ близко подъѣхалъ къ русскому лагерю и былъ раненъ въ ногу выстрѣломъ одного казака, поэтому его стали возить въ коляскѣ. Петръ утромъ передъ битвой, выѣхавъ къ войскамъ, напомнилъ имъ, что они сражаются за отечество, за свою православную вѣру. «А о Петрѣ вѣдайте», прибавилъ онъ, «что ему жизнь не дорога, жила бы только Россія въ славѣ и благоденствіи». И дѣйствительно, онъ не жалѣлъ себя. Вездѣ, гдѣ только была опасность, виднѣлась богатырская фигура царя, громкимъ голосомъ одушевлявшаго своихъ храбрыхъ солдатъ. Пули такъ и свистали вокругъ него — одна изъ нихъ прострѣлила ему шляпу, другая по-

пала въ сѣдло, третья въ висѣвшій на груди крестъ, — но рука Божія хранила своего избранника, и онъ не получилъ ни одной царапины.

Карлъ XII тоже не щадилъ своей жизни и приказывалъ возить себя всюду. Вдругъ ядро попадаетъ въ самую коляску короля, и онъ падаетъ на землю. Шведскіе солдаты думаютъ, что ихъ вождь убитъ, и ужасъ овладѣваетъ полками, безъ того уже колебавшимися. Однако Карлъ не былъ ни убитъ, ни раненъ и, увидѣвъ смятеніе своихъ полковъ, велѣлъ поднять себя, посадить на скрещенныя пики, и всѣми силами старался остановить отступавшія войска. Но было уже поздно. Русскіе со всѣхъ сторонъ тѣснили враговъ, лучшіе шведскіе генералы сдавались одинъ за другимъ: еще одинъ натискъ — и все шведское войско обратилось въ бѣгство. Самого короля, въ отчаяніи искавшаго смерти, почти насильно посадили на лошадь и увлекли его приближенные, при чемъ онъ съ трудомъ избѣжалъ плѣна. Съ нимъ вмѣстѣ спасся измѣнникъ Мазепа съ нѣсколькими казаками.

Невозможно описать радость Петра при видѣ бѣгства тѣхъ враговъ, которые чуть не привели Россію къ окончательной гибели. Тотчасъ послѣ окончанія битвы, на самомъ

полѣ ея была поставлена походная церковь, и вся русская армія, съ своимъ державнымъ вождемъ во главѣ, возблагодарила Бога за великую милость, оказанную всей Россіи дарованіемъ рѣшительной побѣды надъ страшными шведами. Послѣ молитвы Петръ сѣлъ на коня, объѣхалъ всѣ полки, махая своей прострѣленной шляпой, поздравлялъ ихъ съ побѣдой и благодарилъ за храбрость и стойкость, проявленныя всѣми, отъ генерала до простого солдата. Могучее, неудержимое, радостное ура раскатилось по полю битвы въ отвѣтъ на слова царя: всѣ чувствовали, что теперь могутъ вздохнуть свободно, что опасность для нашей родины миновала.

Вечеромъ Петръ устроилъ у себя великолѣпный пиръ, на который были приглашены всѣ генералы и офицеры. Свѣтло было на душѣ у Петра, и захотѣлось ему смягчить горе тѣхъ шведскихъ воиновъ, которые, несмотря на свою храбрость, попали въ плѣнъ и теперь должны были, сидя подъ стражей, слушать радостные клики своихъ побѣдителей. Царь отдаетъ приказаніе тотчасъ привести плѣнныхъ шведскихъ генераловъ, сажаетъ за свой столъ, хвалитъ ихъ мужество и старается утѣшить въ понесенномъ пораженіи, говоря, что на все воля Божія, что они себя не могутъ

ни въ чемъ упрекать. «Счастливъ вашъ государь, имѣя такихъ слугъ какъ вы», сказалъ царь и въ знакъ своего уваженія подарилъ старѣйшему изъ нихъ — храброму фельдмаршалу Реншильду—свою шпагу.

Во время пира Петръ вдругъ встаетъ, подымаетъ кубокъ вина и говоритъ, что пьетъ за здоровье своихъ учителей въ военномъ дѣлѣ.

«Кто же эти учителя?» спросилъ у него Реншильдъ.

«Вы, господа шведы», отвѣтилъ улыбаясь царь.

«Хорошо же отблагодарили ученики своихъ учителей», сказалъ плѣнный фельдмаршалъ.

Похоронивъ убитыхъ на полѣ сраженія, государь велѣлъ, въ вѣчную память русскихъ воиновъ, павшихъ за свою родину, насыпать высокій холмъ и самъ поставилъ на немъ крестъ, гдѣ было написано: — «Воины благочестивые, за благочестіе кровію вѣнчавшіеся лѣта отъ воплощенія Бога Слова 1709, іюня 27 дня». По возвращеніи въ Петербургъ Петръ заложилъ въ немъ, на Выборгской сторонѣ, храмъ во имя Св. Сампсонія Страннопріимца, котораго память празднуется 27 іюня—въ день Полтавской побѣды.

Остатки шведскаго войска были черезъ три

дія настигнуты княземъ Меншиковымъ и сдались ему въ плѣнъ, но Карлъ XII успѣлъ избѣгнуть погони и скрылся въ Турцію.

Полтавская побѣда сразу выдвинула значеніе Россіи и показала всей Европѣ, какъ велики силы и способности русскихъ, и какъ великъ ихъ государь. Послѣ нея Петръ могъ спокойно смотрѣть на будущее и прежде всего онъ успокоился за свой любимый Петербургъ. Послѣ Полтавы царь писалъ одному изъ своихъ приближенныхъ—Апраксину: «нынѣ уже совершенно камень въ основаніе Петербурга положенъ съ помощью Божіей».

На сѣверѣ успѣхи русскихъ тоже продолжались. Наши войска взяли Ригу, Ревель, Выборгъ и много другихъ менѣе значительныхъ городовъ и овладѣли почти всѣмъ побережьемъ Финскаго залива. Но скоро Петръ долженъ былъ спѣшить на другой конецъ своего государства—отражать надвигавшуюся съ юга новую, страшную грозу.

Карлъ XII успѣлъ вооружить турокъ противъ Петра, и царь во главѣ своего войска двинулся противъ новыхъ враговъ.

Подчиненные турецкому султану государи православныхъ странъ Молдавіи и Валахіи обѣщали царю соединиться съ нимъ и доставить всѣ припасы, въ какихъ только можетъ

нуждаться войско. Довѣряя ихъ обѣщаніямъ, Петръ вступилъ въ турецкія владѣнія съ сравнительно небольшимъ и плохо снабженнымъ запасами войскомъ. Но государь сильно поплатился за свою довѣрчивость. Молдавскій князь Кантемиръ дѣйствительно присоединился къ нему, но безъ всякаго войска и запасовъ, которыхъ онъ не могъ приготовить изъ боязни турокъ. Валашскій же государь прямо измѣнилъ своему слову и присоединился къ турецкому войску. На берегахъ рѣки Прута 38000 русскихъ, не имѣвшихъ ни продовольствія, ни воды, были со всѣхъ сторонъ окружены болѣе чѣмъ 200000 турокъ и татаръ. Казалось, что для Петра и всего войска наступилъ послѣдній часъ, и царь написалъ въ Россію письмо, въ которомъ приказывалъ не вѣрить никакимъ его повелѣніямъ, какія онъ можетъ писать изъ плѣна. Но Богъ еще разъ не допустилъ Россію до гибели. Турки, устрашенные храбростью русскихъ, отбившихъ, съ большимъ урономъ для непріятеля, нѣсколько приступовъ, согласились вступить въ переговоры.

Петръ послалъ къ начальнику турокъ, великому визирю, искуснаго въ веденіи переговоровъ Шафирова, которому удалось, задаривъ главныхъ турецкихъ начальниковъ, заключить съ ними миръ. При этомъ Петру оказала содѣй-

ствіе его вторая супруга, Екатерина Алексѣевна, сопровождавшая своего мужа: она передала Шафирову всѣ свои драгоцѣнности, и этотъ подарокъ много помогъ склонить визиря на болѣе легкія для русскихъ условія.

Но, не смотря на радость Петра при видѣ поистинѣ чудеснаго спасенія своего войска, условія мира не могли не быть для него очень тяжелыми. Тяжелѣе всего было царю отдать Турціи свое первое завоеваніе — Азовъ и срыть Таганрогъ, а также двѣ другія новопостроенныя крѣпости.

При заключеніи Прутскаго мира великодушный характеръ Петра высказался во всемъ своемъ величіи: турки требовали выдачи перешедшаго на нашу сторону молдавскаго князя Кантемира, но царь отвѣтилъ, что скорѣе самъ погибнетъ, но не выдастъ человѣка, положившагося на него и поручившаго себя его гостепріимству. Видя твердость Петра, турки отказались отъ своего требованія, и Кантемиръ былъ спасенъ.

Горестно удалился Петръ изъ Турціи; но успѣхи на сѣверѣ, гдѣ все еще продолжалась война со Швеціей, скоро его утѣшили. Русскіе, съ которыми снова вступили въ союзъ польскій и датскій короли, подвигались все дальше и дальше въ шведскія владѣнія.

Нынѣшняя Финляндія принадлежала тогда шведамъ, и Петръ рѣшилъ покорить ее, чтобы помѣшать врагамъ постоянно грозить оттуда лежавшему недалеко отъ финляндскихъ границъ Петербургу. Галерный русскій флотъ, въ нѣсколько лѣтъ выросшій на верфяхъ Лодейнаго Поля, Олонца и самого Петербурга и состоявшій изъ двухсотъ судовъ, вышелъ подъ начальствомъ адмирала Апраксина изъ Невы и направился къ берегамъ Финляндіи. Частью флота командовалъ контръ-адмиралъ царь Петръ Алексѣевичъ.

Побѣда всюду сопровождала русскихъ. Главные города Финляндіи — Гельсингфорсъ и Або—были взяты нашими войсками. Шведы отступили вовнутрь страны, надѣясь, что русскіе не посмѣютъ туда за ними слѣдовать, но они ошиблись въ своихъ разсчетахъ. Несмотря на свою малочисленность, русское войско храбро двинулось въ глубь незнакомой и враждебной страны, нанесло рѣшительное пораженіе шведамъ и заняло почти всю Финляндію.

Въ слѣдующемъ—1715—году самъ Петръ одержалъ большую морскую побѣду надъ шведскимъ флотомъ при Гангутѣ. Велика была радость Петра послѣ этой первой большой побѣды его любимаго дѣтища—флота, показавшей, что онъ не даромъ такъ заботился объ этомъ фло-

тѣ, не гнушаясь работой простого плотника, чтобы только заставить другихъ съ бо̀льшимъ рвеніемъ относиться къ постройкѣ кораблей. Когда царь послѣ Гангута вернулся въ Петербургъ, то ему была устроена торжественная встрѣча съ пушечными выстрѣлами и громаднымъ фейерверкомъ (потѣшнымъ огнемъ). Самъ онъ въ воспоминаніе этой битвы построилъ въ новой своей столицѣ существующую до сихъ поръ церковь во имя св. Пантелеймона, память котораго празднуется въ день одержанія нашимъ флотомъ его первой большой побѣды (27 іюля).

Наконецъ Карлъ XII, видя, что его страна совершенно раззорена продолжительной войной, вступилъ съ Петромъ въ переговоры о мирѣ. Но въ серединѣ этихъ переговоровъ знаменитый противникъ Петра, принимавшій участіе въ нѣсколькихъ десяткахъ сраженій и, несмотря на свою безумную храбрость, заставлявшую его бросаться въ самыя опасныя мѣста, постоянно щадимый пулями, былъ убитъ при осадѣ одной датской крѣпости. Послѣ его смерти шведскій престолъ заняла его сестра Элеонора, которая подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ изъ своихъ приближенныхъ прекратила мирные переговоры. Но она скоро должна была раскаяться въ своемъ необдуманномъ по-

ступкѣ. Войска Петра высадились въ самой Швеціи, сожгли нѣсколько городовъ и больше сотни деревень и страшно опустошили страну почти до воротъ шведской столицы Стокгольма. Шведы старались возбудить противъ русскихъ другія европейскія государства, и англійскій король дѣйствительно послалъ свой флотъ въ Балтійское море, чтобы устрашить царя. Но Петра испугать было трудно. Несмотря на грозившую опасность войны съ Англіей, русскіе снова высадились въ Швеціи и опустошили ее еще больше, чѣмъ въ первый разъ. Когда то непобѣдимыя, а теперь совершенно упавшія духомъ, шведскія войска не могли оказать русскимъ почти никакого сопротивленія, и гордая шведская королева должна была просить мира у русскаго царя.

Было время, когда Петръ просилъ шведовъ оставить ему только одинъ Петербургъ, соглашаясь отдать всѣ остальныя свои завоеванія, но теперь обстоятельства перемѣнились. Дорогою цѣною должны были заплатить шведы за свои первыя побѣды и за свое высокомѣріе—Лифляндія, Эстляндія, Ингерманландія (нынѣшняя Петербургская губернія) и часть Финляндіи были уступлены Россіи. Когда въ юношескіе свои годы Петръ мечталъ о томъ, чтобы пробиться къ морю и вернуть хоть часть

принадлежавшихъ когда то нашимъ предкамъ около этого моря земель, то даже и въ этихъ мечтахъ онъ не видѣлъ того, чего добился теперь своимъ искусствомъ, силою воли и храбростью своихъ войскъ.

Царь былъ въ морѣ, когда было получено извѣстіе, что въ городѣ Ништадтѣ русскіе посланники Брюсъ и Остерманъ заключили 30 августа 1721 года миръ, окончившій Великую Сѣверную войну. Война эта тянулась 21 годъ, началась тяжелымъ для Россіи Нарвскимъ пораженіемъ, а окончилась полнымъ торжествомъ нашей родины, сразу занявшей послѣ нея мѣсто среди первыхъ государствъ въ Европѣ.

Все величіе, весь геній Петра выказались въ эту войну. Мы видѣли, что онъ началъ ее съ войскомъ еще плохо обученнымъ, непривычнымъ къ походамъ, мало довѣрявшимъ своимъ офицерамъ. Съ этимъ неопытнымъ войскомъ ему пришлось бороться противъ лучшихъ солдатъ и лучшаго полководца того времени и одновременно усмирять мятежи, возникавшіе то и дѣло въ самой Россіи, гдѣ люди, недовольные новыми порядками, волновали казаковъ, раскольниковъ и другой темный людъ. Для борьбы со всѣми этими врагами, и чужеземными и своими, нужны были

деньги, нужны были люди, способные понимать мысли царя и исполнять его великія намѣренія. Геній Петра Великаго достигъ всего этого; какъ искусный и опытный рулевой, онъ сильной и вѣрной рукою провелъ корабль своего государства до надежной пристани, не смотря на всѣ бури и подводные камни, попадавшіеся ему въ пути и нерѣдко угрожавшіе поглотить и корабль, и самого кормчаго.

Получивъ вѣсть о заключеніи мира, царь поспѣшилъ въ Петербургъ и рано утромъ вошелъ въ Неву при звукахъ музыки и пушечныхъ выстрѣлахъ. Петербургскіе жители, предчувствуя какое нибудь радостное событіе, толпами сбѣгались къ мѣсту, куда присталъ царскій корабль. Царь вышелъ на пристань и громкимъ голосомъ возвѣстилъ своимъ вѣрнымъ подданнымъ радостную вѣсть о мирѣ, встрѣченную громкими криками «ура». Съ пристани Петръ прямо пошелъ въ старѣйшую Петербургскую церковь, Троицкій соборъ, и велѣлъ отслужить торжественный молебенъ, во время котораго горячо молился Богу, помогшему ему довести до конца его трудный подвигъ. Изъ собора царь вышелъ на площадь, гдѣ уже были выставлены бочки съ виномъ и пивомъ для угощенія народа, и во-

шелъ на устроенный на скорую руку помостъ.

Вся площадь чернѣла отъ народа, но слышно было, какъ муха пролетитъ, — такъ боялись всѣ проронить хоть одно, сказанное царемъ, слово. Вошелъ на помостъ царь, снялъ шляпу и поклонился народу. Загудѣла на минуту толпа, и снова все смолкло.

«Здравствуйте и благодарите Бога, православные», молвилъ царь, «что толикую долговременную войну, которая продолжалась двадцать одинъ годъ, Всесильный Богъ прекратилъ и даровалъ намъ со Швеціей счастливый и славный миръ!»

Потомъ Петръ взялъ ковшъ вина и выпилъ за здоровье народа, который, плача отъ радости, шумными кликами «да здравствуетъ государь!» заглушилъ залпъ пушекъ.

Черезъ нѣсколько дней царь устроилъ громадный маскарадъ или праздникъ, гдѣ всѣ приглашенные должны были быть въ разныхъ необыкновенныхъ одеждахъ и въ маскахъ на лицахъ. Этотъ маскарадъ, въ которомъ участвовало около 1000 человѣкъ, продолжался цѣлую недѣлю, и самъ Петръ танцовалъ на немъ, пѣлъ и веселился какъ ребенокъ. Затѣмъ царь объявилъ, что, въ знакъ благодарности за Божію милость, прощаетъ всѣхъ осужденныхъ преступниковъ, освобождаетъ госу-

дарственныхъ должниковъ и слагаетъ съ народа всѣ недоимки, накопившіяся съ начала войны.

Въ этотъ же день основанное Петромъ высшее государственное учрежденіе — Сенатъ рѣшилъ поднести царю названія: «Отца Отечества, Великаго и Императора». Черезъ нѣсколько дней, когда царь со всѣми вельможами былъ въ соборѣ, послѣ обѣдни къ нему подошли сенаторы, и одинъ изъ нихъ, перечисливъ всѣ знаменитыя дѣла царя, умолялъ его принять подносимые ему титулы за то, что онъ «изволилъ привести Всероссійское Государство и народъ въ такую славу черезъ единое свое руководженіе», и въ концѣ воскликнулъ: «да здравствуетъ Петръ Великій, Отецъ Отечества, Императоръ Всероссійскій». Радостный кликъ этотъ, подхваченный всѣми находившимися въ церкви вельможами, былъ повторенъ окружавшими церковь безчисленными толпами народа. Тотчасъ зазвонили колокола, загремѣли пушки, и заиграла музыка. Изъ Петербурга Петръ Великій отправился въ Москву, гдѣ заключеніе мира было отпраздновано такъ же торжественно.

Во время шведской войны Петръ еще ѣздилъ заграницу, въ Голландію и Францію, хлопотать о заключеніи союза противъ Швеціи. Когда Петръ пріѣхалъ въ главный городъ

Францiи Парижъ, то ему было приготовлено роскошное помѣщенiе въ королевскомъ дворцѣ, но онъ отказался тамъ остановиться и просилъ отвести ему какой нибудь частный домъ. Французскимъ королемъ въ это время былъ Людовикъ XV, которому во время посѣщенiя Петра было только семь лѣтъ. Король первый прiѣхалъ къ своему царственному гостю, а на слѣдующiй день Петръ поѣхалъ въ королевскiй дворецъ и, подъѣзжая туда, замѣтилъ, что маленькiй король бѣжитъ къ нему на встрѣчу. Царь тотчасъ велѣлъ остановить свою карету, вышелъ изъ нея, подхватилъ Людовика на свои могучiя руки и, держа его такимъ образомъ, со словами: «несу всю Францiю» вошелъ во дворецъ. Французы старались показать Петру все, что только было интереснаго въ ихъ столицѣ, и царь цѣлые дни разъѣзжалъ по Парижу, осматривая разныя его достопримѣчательности. Когда ему показали королевскiе брилліанты, то онъ едва обратилъ на нихъ вниманiе, но за то подробно осматривалъ знаменитый «домъ инвалидовъ», или убѣжище для престарѣлыхъ и раненыхъ воиновъ. Между прочимъ Петръ посѣтилъ монетный дворъ, и начальникъ этого двора предложилъ своему великому посѣтителю самому вытѣснить монету. Царь исполнилъ эту просьбу, но каково было

его удивленіе, когда изъ подъ пресса вышла медаль, на которой было вычеканено его собственное изображеніе. Первая вычеканенная медаль была поднесена царю, а слѣдующія были розданы его свитѣ.

Много времени сохранялось въ Парижѣ воспоминаніе о знаменитомъ сѣверномъ царѣ, удивлявшемъ тогдашнихъ изнѣженныхъ французовъ своимъ суровымъ образомъ жизни, трудолюбіемъ и любознательностью.

Не долго отдыхали Петръ и его храброе войско послѣ шведской войны. Великому царю, утвердившемуся на европейскомъ — Балтійскомъ—морѣ, хотѣлось утвердиться также на Каспійскомъ, чтобы имѣть возможность вести торговлю съ азіятскими народами. У русскихъ былъ, правда, городъ на Каспійскомъ морѣ - Астрахань, но персы, владѣвшіе бо́льшею частью береговъ этого моря, недружелюбно относились къ русскимъ и притѣсняли нашихъ купцовъ. Не добившись никакого удовлетворенія за разныя обиды, нанесенныя намъ персами, Петръ объявилъ войну Персіи. Персидскія войска повсюду терпѣли пораженія, и въ 1723 году персидскій шахъ заключилъ съ Петромъ миръ, по которому уступилъ ему нѣсколько

приморскихъ областей. Такимъ образомъ все юго-западное прибрежье Каспійскаго моря перешло во владѣніе Петра Великаго, и руская торговля была обезпечена.

Между тѣмъ безпрерывные труды подкосили богатырское здоровье императора. Онъ никогда не щадилъ себя, не слушался докторовъ, предписывавшихъ ему отдыхъ, и работалъ дни и ночи. Долго боролся Петръ съ болѣзнью, и, одно время казалось, совершенно выздоровѣлъ, но судьба не сулила великому русскому царю долгой жизни.

Осенью 1724 года, желая осмотрѣть Сестрорѣцкій оружейный заводъ, царь выѣхалъ на небольшомъ суднѣ въ Финскій заливъ. Море сильно бушевало, и Петръ велѣлъ пристать къ берегу, чтобы переночевать на сушѣ, какъ вдругъ съ моря послышались крики о помощи. Оказалось, что большой ботъ съ солдатами, шедшій въ Петербургъ изъ Кронштадта, сѣлъ на мель, и буря грозила поглотить весь его экипажъ. Государь послалъ людей спасать погибавшихъ, а затѣмъ не вытерпѣлъ, вскочилъ въ лодку и самъ поплылъ на помощь. Лодка его стала на мель недалеко отъ тонувшаго бота, и Петръ бросился въ мо-

ре и по колѣни въ водѣ сталъ спасать утопавшихъ. Почти всѣ солдаты и матросы были спасены, но великій царь русскій жестоко поплатился за свой подвигъ. Долгое пребываніе въ холодной водѣ не могло не отозваться на не совсѣмъ еще оправившемся здоровьѣ царя, - онъ сильно простудился, старая болѣзнь вернулась къ нему, и, послѣ жестокихъ страданій, 28 января 1725 года Великаго Преобразователя не стало. Онъ скончался на 53 году своей жизни, не успѣвъ завершить многихъ изъ своихъ великихъ замысловъ. Нельзя описать горя всей Россіи при извѣстіи о смерти государя, которому она была столькимъ обязана. Когда тѣло императора было выставлено въ дворцовомъ залѣ, то народъ несмѣтными толпами стекался, чтобы взглянуть въ послѣдній разъ на своего обожаемаго государя, одинаково ласково относившагося при жизни къ каждому вѣрному сыну Россіи, будь то простой рабочій или знатный вельможа.

Если Россія горько оплакивала Петра, не то было заграницей. Нѣкоторыя иностранныя государства, испуганныя невѣроятно быстрымъ возвышеніемъ Россіи, съ ужасомъ слѣдили за каждымъ шагомъ Петра, ведшимъ къ новому упроченію пріобрѣтеннаго могущества. Получивъ извѣстіе о смерти царя, они поду-

мали, что съ этой смертью рухнетъ и все основанное Петромъ зданіе величія Россіи, и, понятно, обрадовались этому. Но недруги наши обманулись въ своихъ ожиданіяхъ —пріобрѣтенія и преобразованія Петра Великаго оказались такими прочными, что ихъ не могли пошатнуть возникавшія послѣ его смерти въ Россіи смуты. Завоеванныя Петромъ земли принадлежатъ намъ до сихъ поръ, значеніе Россіи послѣ его смерти продолжало все увеличиваться, и въ скоромъ времени она пріобрѣла еще болѣе почетное мѣсто среди европейскихъ государствъ.

ЧТЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Внутреннія преобразованія Петра Великаго.

Въ продолженіе всего почти своего царствованія Петру Великому пришлось вести войны съ сосѣдями Россіи: шведами, турками, персами. Всѣ петровскія войны кончались благополучно, благодаря генію нашего великаго императора, способностямъ его славныхъ сподвижниковъ, которыхъ его орлиный взглядъ умѣлъ отыскивать и въ роскошныхъ палатахъ, и въ бѣдныхъ хижинахъ, благодаря, наконецъ, твердости и мужеству войска русскаго. Но самое храброе войско съ самыми великими полководцами не можетъ вести долгой войны, если его родина бѣдна, если у нея не достанетъ средствъ выдержать тяжести, сопряженныя съ каждой войной. До-петровская Россія была очень бѣдна, торговля въ ней была мало развита, промышленность еще того меньше; не то что про-

стой народъ, а и знатные люди были большею частію необразованы; между самими боярами, совѣтниками царскими, встрѣчались такіе, которые и своего-то имени подписать не умѣли.

Давно сознавалъ русскій народъ необходимость увеличить свое богатство, развить промышленность и торговлю, и уже давно дѣлались къ этому попытки. Пытались наши предки войти въ сношенія съ иностранцами, увеличить торговлю, построить заводы, завести школы, но всѣ эти попытки были очень слабыя, предпринимали ихъ отдѣльныя лица, и дѣло какъ то не выгорало: не было сильной воли, которая бы рѣшилась сразу порвать съ стариной и выйти на новый путь, куда начинала стремиться Россія; не было твердой руки, которая могла бы вѣрно направлять наше отечество на этомъ новомъ пути; не было однимъ словомъ вождя. И этотъ вождь явился въ лицѣ Петра Великаго.

Петръ предвидѣлъ, что за обладаніе Балтійскимъ побережьемъ—обладаніе, которое одно могло позволить Россіи войти въ сношенія съ другими европейскими народами и стать на ряду съ ними,—ему придется вести упорныя и долгія войны. Поэтому онъ рѣшилъ приложить всѣ усилія, на какія только была способна его огненная, не знавшая устали при-

рода, чтобы увеличить богатство Россіи и дать ей возможность вынести всякую, даже многолѣтнюю и не всегда удачную войну. Чтобы добыть средства, которыхъ не могла дать занимавшаяся почти однимъ только земледѣліемъ Россія, нужно было прежде всего увеличить торговлю, поднять города, гдѣ торговля обыкновенно ведется. Между тѣмъ какъ въ другихъ странахъ города, благодаря сосредоточенной въ нихъ торговлѣ, богатѣли, у насъ дѣло стояло совсѣмъ иначе.

Въ древней Россіи служилымъ людямъ не полагалось жалованья, а когда царь хотѣлъ вознаградить какого нибудь боярина или другого служилаго человѣка, то посылалъ его въ какой либо городъ воеводой на «кормленье». Воеводѣ также не полагалось жалованья, но за то онъ получалъ извѣстный доходъ отъ всѣхъ жителей подчиненной ему области. Кромѣ того: судившіеся, просители, торговцы, однимъ словомъ всѣ, кто только нуждался въ защитѣ и покровительствѣ воеводы, платили ему за это извѣстную сумму денегъ, и многіе воеводы, думавшіе только о томъ, чтобы поскорѣе разбогатѣть, брали большіе поборы. Еще больше иногда брали подчиненные воеводамъ разные дьяки и подьячіе, вѣдавшіе отдѣльныя части воеводскаго управленія, и подъ вліяніемъ

всѣхъ этихъ поборовъ русскіе города вмѣсто того, чтобы богатѣть, бѣднѣли изъ года въ годъ. Горожане безпрестанно жаловались на раззоренье, причиняемое имъ воеводами и приказными людьми, и Петръ рѣшилъ освободить города отъ поборовъ разныхъ начальствующихъ лицъ. Передъ самой шведской войной вышелъ царскій указъ, которымъ повелѣвалось всѣмъ купцамъ и промышленнымъ людямъ выбирать изъ своей среды особыхъ выборныхъ, называвшихся «бурмистрами» и завѣдывавшихъ ихъ дѣлами, собиравшими подати и заботившимися о всѣхъ нуждахъ горожанъ.

Русскіе торговые люди издавна уже сознавались, что имъ нельзя соперничать съ иностранными купцами, такъ какъ тѣ обыкновенно торгуютъ не по одиночкѣ, каждый на свой страхъ, какъ наши, а сообща, компаніями, и такимъ образомъ поддерживаютъ другъ друга. Это обстоятельство также не укрылось отъ зоркаго глаза Петра, и онъ приказалъ, чтобы «купцы торговали такъ, какъ торгуютъ въ другихъ государствахъ компаніями».

Много заботился царь о торговомъ флотѣ, о томъ, чтобы наши купцы строили себѣ побольше кораблей и ѣздили на нихъ заграницу продавать свои товары и закупать иностранные. Всѣ привозимые и вывозимые изъ Рос-

сіи товары облагались пошлинами, но, чтобы пріохотить русскихъ заводить свои корабли, Петръ велѣлъ дѣлать имъ разныя льготы: такъ напримѣръ на товары, перевозимые на русскихъ корабляхъ, налагалось пошлинъ на треть меньше, чѣмъ на товары, перевозившіеся на корабляхъ иностранныхъ.

Но для того, чтобы торговля процвѣтала, мало было пріобрѣтенія морскихъ береговъ и созданія торговаго флота, —нужно было устроить еще удобныя сообщенія внутри государства, чтобы легче было развозить товары по всѣмъ уголкамъ нашей необъятной Россіи, и чтобы съ другой стороны было удобнѣе подвозить наши товары къ приморскимъ городамъ. Одной изъ причинъ малаго развитія торговли въ древней Россіи было именно плохое состояніе дорогъ внутри государства. Городовъ въ Россіи тоже было очень мало, такъ что отъ города до города приходилось иногда ѣхать по недѣлямъ, а то и больше. Устроенныхъ дорогъ почти не было: ѣдешь, ѣдешь и вдругъ попадаешь въ такую яму, откуда тяжелаго воза и не вытащишь безъ чужой помощи, а помощи часто ждать не откуда, потому что на много сотенъ верстъ вокругъ иногда жилья человѣческаго не сыщешь. Да если и встрѣтишь на большой дорогѣ людей, такъ нерѣдко прихо-

дится послѣ Бога молить, чтобы впредь ужь никого не встрѣчать. Дѣло въ томъ, что въ дремучихъ лѣсахъ, покрывавшихъ большую часть тогдашней Россіи, да и въ степяхъ, по оврагамъ и болотамъ, скрывались въ тѣ времена шайки разбойниковъ, промышлявшихъ грабежемъ, а то и убійствомъ. Разбойничьи шайки иной разъ бывали такъ многочисленны, что нападали не только на отдѣльныхъ проѣзжающихъ, а даже на большіе обозы. Чтобы благополучно проѣхать отъ одного города до другого, надо было собираться нѣсколькимъ десяткамъ и даже сотнямъ людей вмѣстѣ и хорошо вооружаться. Понятно, что все это очень затрудняло торговлю, такъ какъ отдѣльные купцы пускаться въ далекій путь рѣдко рѣшались, а собираться большими компаніями не всегда было удобно.

Заботясь о развитіи русской торговли, Петръ, понятно, долженъ былъ обратить вниманіе на улучшеніе сообщеній между разными концами своего государства. При немъ было устроено много сухопутныхъ дорогъ, онъ ревностно заботился о томъ, чтобы эти дороги были въ исправности, и жестоко наказывалъ тѣхъ чиновниковъ, которые должны были за этимъ смотрѣть, но оказывались нерадивыми.

Въ древней Россіи движеніе сильно затруд-

нялось тѣмъ, что дороги были очень безлюдны, и на разстояніи многихъ верстъ часто нельзя было достать ни припасовъ, ни смѣнныхъ лошадей. Чтобы помочь этому, Петръ Великій приказалъ выстроить на всѣхъ большихъ дорогахъ, на извѣстномъ разстояніи одинъ отъ другого, постоялые дворы, которые затѣмъ сдавались въ аренду частнымъ лицамъ, обязывавшимся снабжать проѣзжающихъ всѣмъ необходимымъ.

Чтобы облегчить путешествія по Россіи, царь обратилъ вниманіе и на тѣ широкія дороги, которыми наградила нашу родину сама природа—рѣки. Петръ заботился объ очисткѣ рѣкъ отъ мелей и пороговъ, но этого ему показалось мало. Много есть въ Россіи большихъ рѣкъ, думалъ онъ, которыя впадаютъ въ разныя моря, истоки же ихъ лежатъ недалеко одинъ отъ другого. Если бы можно было соединить верховья этихъ рѣкъ между собою, то тогда легко было бы провозить товары на судахъ, безъ перегрузки, изъ одного моря въ другое. Чтобы привести въ исполненіе свою мысль, Петръ рѣшилъ прорыть каналы между главнѣйшими рѣками, впадающими въ Каспійское, Черное, Балтійское и Бѣлое моря, и такимъ образомъ соединить между собою всѣ эти четыре моря.

Смерть помѣшала великому императору привести въ исполненіе этотъ планъ, но часть его онъ всетаки исполнилъ, а именно соединилъ моря Каспійское и Балтійское. Петръ велѣлъ прорыть около города Вышняго Волочка каналъ, названный Вышневолоцкимъ и соединившій между собою рѣки Мсту и Тверцу. Послѣ прорытія Вышневолоцкаго канала суда могли проходить изъ Волги прямо въ Балтійское море, но при этомъ имъ приходилось плыть чрезъ Ладожское озеро, гдѣ часто бываютъ сильныя бури, и потому судамъ тамъ нерѣдко грозила опасность разбиться и затонуть. Чтобы избѣжать этого, Петръ задумалъ прорыть вдоль южнаго берега Ладожскаго озера каналъ, по которому суда изъ Волхова могли бы прямо проходить въ Неву. Прорыть такой каналъ было очень трудно, но Петръ настоялъ на своемъ.

Къ Ладожскому озеру были собраны тысячи рабочихъ, и начальство надъ работами поручено знаменитому впослѣдствіи фельдмаршалу Миниху, вступившему при Петрѣ на русскую службу, — очень искусному инженеру. Работы пошли такъ хорошо и быстро, что когда Петръ незадолго передъ смертью, уже больной, съѣздилъ посмотрѣть на нихъ, то по возвращеніи говорилъ: «труды моего Миниха сдѣлали меня

здоровымъ». Но Петру не суждено было видѣть исполненіе своего желанія: онъ скончался раньше окончанія Ладожскаго канала.

Кромѣ торговли, Петръ Великій всѣми силами развивалъ и увеличивалъ въ Россіи промышленность. Очень обидно было царю видѣть, что многое привозится къ намъ иностранцами, между тѣмъ какъ и въ Россіи можно было дѣлать почти все то, за что мы платили большія деньги чужимъ народамъ. Поэтому Петръ старался завести въ своемъ государствѣ какъ можно больше разныхъ фабрикъ и заводовъ и всѣми мѣрами поощрялъ ихъ устройство. Заводчикамъ и фабрикантамъ было предоставлено много льготъ. Какъ они сами, такъ и ихъ служащіе на первое время освобождались отъ многихъ податей, затѣмъ они не платили пошлинъ за покупаемые ими матерьялы для работы и необходимые для этихъ работъ машины и инструменты. Какъ только на какой нибудь фабрикѣ достигали того, что производство дѣлалось не хуже иностраннаго, Петръ тотчасъ давалъ владѣльцу большой подрядъ или право лишь ему одному производить данный товаръ и затѣмъ накладывалъ большую пошлину на заграничный товаръ того же рода, чтобъ русскіе могли выдерживать соперничество съ иностранцами. Если никто изъ частныхъ

лицъ не рѣшался устроить какой нибудь фабрики или завода, царь часто строилъ казенные, но едва они начинали идти въ ходъ, тотчасъ же сдавалъ ихъ въ аренду частнымъ лицамъ, чтобы пріохотить и пріучить тѣхъ къ тому или другому дѣлу. Часто Петръ прямо дарилъ фабрику, къ которой иногда бывало приписано много земли и даже крестьянъ, съ тѣмъ, чтобы новый владѣлецъ улучшилъ производство.

Мастера на фабрикахъ были первое время все иностранцы, но Петръ обязывалъ ихъ поскорѣе передавать свое искусство своимъ русскимъ ученикамъ и строго слѣдилъ за этимъ, что видно изъ слѣдующаго разсказа.

Въ петровское время всѣ дворяне носили кафтаны, обшитые галунами и позументами, привозимыми намъ изъ Голландіи. Такъ какъ такихъ позументовъ ежегодно привозилось въ Россію очень много, то царь устроилъ въ Петербургѣ большую позументную фабрику, выписалъ изъ заграницы искуснаго мастера и отдалъ къ нему въ ученье нѣсколько молодыхъ людей. Черезъ нѣкоторое время царь, любившій самъ испытывать, кто, чему и насколько выучился, пріѣхалъ на позументную фабрику и началъ разсматривать работы учениковъ. Особенно понравились ему работы

одного изъ нихъ: царь подозвалъ его и началъ хвалить.

«Эхъ, государь», отвѣтилъ тотъ, «ткать-то я хорошо научился, а все мастеромъ быть не могу».

«Отчего такъ?» спросилъ Петръ.

«А оттого, что ткемъ мы по готовымъ основамъ, которыя готовитъ намъ заморскій мастеръ, и устанавливать станковъ тоже не умѣемъ: все это дѣлаетъ самъ нѣмецъ и не позволяетъ намъ даже взглянуть, какъ это онъ все продѣлываетъ».

«А ты постарайся какъ нибудь перенять его искусство».

«Хорошо, государь, постараюсь», отвѣчалъ молодой работникъ.

Царь уѣхалъ, а юноша сталъ думать, какъ бы это ему сдержать данное царю обѣщаніе. Думалъ онъ, думалъ, да наконецъ и надумалъ. Пробрался нашъ молодецъ на чердакъ, расположенный надъ той комнатой, гдѣ работалъ мастеръ, провертѣлъ въ потолокъ дыру и скоро перенялъ все искусство нѣмца. Тогда онъ явился къ Петру и сказалъ, что теперь можетъ самъ какой угодно позументъ соткать. Царь велѣлъ тотчасъ принести ткацкій станокъ, и молодой человѣкъ дѣйствительно выткалъ позументъ не хуже заправскаго мастера.

Петръ позвалъ тогда нѣмца, разбранилъ за то, что онъ не исполнилъ своей обязанности и завѣдомо скрывалъ отъ своихъ учениковъ самое важное въ ткацкомъ производствѣ, прогналъ его, а на его мѣсто поставилъ сметливаго ученика.

При постоянныхъ войнахъ Россіи нужно было очень много желѣза и другихъ металловъ, которые, какъ и многое другое, привозились къ намъ изъ заграницы. «Между тѣмъ», писалъ Петръ, «наше россійское государство предъ многими иными землями преизобилуетъ потребными металлами, которые до нынѣшняго времени безъ всякаго прилежанія исканы; причина этому была, что наши подданные не разумѣли рудокопнаго дѣла».

Чтобы научить русскихъ этому дѣлу, царь выписывалъ изъ чужихъ странъ искусныхъ рудокоповъ. Затѣмъ царь издалъ указъ, гдѣ говорилось, что всѣ имѣютъ право искать металлы какъ въ своихъ земляхъ, такъ и въ чужихъ, и если тѣ, въ чьихъ земляхъ откроется руда, не могутъ или не хотятъ добывать ее, то это право передается всякому желающему, съ условіемъ выплачивать владѣльцу земли часть прибыли. «Дѣлается это», говорилось въ указѣ, «дабы Божіе благословеніе подъ землей втунѣ не оставалось».

Незадолго до смерти Петра, въ Россіи, благодаря его стараніямъ, уже было 5 мѣдныхъ заводовъ и болѣе 25 желѣзныхъ. Лучшіе изъ нихъ принадлежали Никитѣ Демидову, сначала простому тульскому кузнецу, сдѣлавшемуся при поддержкѣ великаго императора, который полюбилъ его за умъ и трудолюбіе, однимъ изъ самыхъ богатыхъ людей въ Россіи.

Петръ часто посѣщалъ желѣзодѣлательные заводы и даже самъ работалъ на нихъ. Такъ однажды онъ пріѣхалъ на желѣзный заводъ купца Миллера, находившійся недалеко отъ Москвы. Осмотрѣвъ заводъ, Петръ самъ принялся за работу, приближенные царя также не посмѣли отстать отъ него, поснимали свои шитые золотомъ кафтаны и принялись помогать державному работнику—кто уголья таскаетъ, кто огонь раздуваетъ. Работалъ, работалъ царь и выковалъ наконецъ 18 пудовъ желѣза. Окончивъ работу, Петръ спросилъ у хозяина завода, сколько онъ платитъ своимъ мастерамъ за каждый пудъ выкованнаго ими желѣза.

«По одному алтыну», отвѣчалъ Миллеръ.

«Ну такъ, значитъ, ты мнѣ долженъ 18 алтынъ», сказалъ царь.

Миллеръ сейчасъ же пошелъ къ себѣ, взялъ 18 червонцевъ, положилъ ихъ на блюдо и поднесъ царю, говоря, что такому ма-

стеру нельзя платить меньше, чѣмъ по червонцу.

«Нѣтъ», возразилъ Петръ, «я дѣлалъ то же, что и простой мастеръ, и потому долженъ получить ту же плату. А 18 алтынъ мнѣ теперь будутъ совсѣмъ кстати,—башмаки у меня износились, вотъ я и куплю себѣ новые».

И дѣйствительно, получивъ заработанныя имъ деньги, Петръ пошелъ въ лавку и купилъ себѣ тамъ башмаки, которые потомъ любилъ показывать, говоря, что они куплены на заработанныя имъ своимъ трудомъ деньги.

При Петрѣ Великомъ все русское войско получило одежду одного покроя, и для его обмундированія, понятно, нужно было очень много сукна. Еще при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ у насъ начали устраиваться суконныя фабрики, но ихъ было очень мало, и издѣлія получались плохого качества; поэтому сукна привозили изъ заграницы. Чтобы улучшить качество сукна, нужно было прежде всего улучшить шерсть, изъ которой оно дѣлалось. Для этого Петръ выписалъ изъ германской провинціи, Силезіи, славившейся овцеводствомъ, овецъ лучшей тонкошерстной породы. Кромѣ того изъ Силезіи выписывали овчаровъ и отправляли ихъ въ тѣ мѣста, гдѣ были большія стада овецъ, особенно въ Малороссію.

Въ короткое время въ Россіи выросло много суконныхъ фабрикъ, такъ что привозъ къ намъ иностранныхъ суконъ почти прекратился. Царь очень радовался успѣхамъ русскихъ въ производствѣ суконъ и писалъ Меншикову: «сукны дѣлаютъ, и умножается сіе дѣло зѣло изрядно и плодъ дастъ Богъ изрядный, изъ которыхъ и я себѣ сдѣлалъ кафтанъ къ празднику».

Чтобы пріохотить разныхъ людей къ русскому сукну, Петръ, какъ только завелись у насъ фабрики, пересталъ носить иностранное сукно и сталъ одѣваться въ русское.

Обыкновенно его кафтаны дѣлались изъ сукна одного московскаго фабриканта Сѣрикова. Этому Сѣрикову царь далъ денегъ на устройство его фабрики и обѣщалъ постоянно давать большіе заказы, если только онъ будетъ хорошо дѣлать свое дѣло. Первое сукно, сдѣланное на его фабрикѣ, Сѣриковъ долженъ былъ привезть показать государю.

Пріѣзжаетъ черезъ нѣкоторое время Сѣриковъ во дворецъ съ образчиками своего лучшаго сукна и видитъ, что тамъ дожидается другой суконный фабрикантъ — Дубровскій и также держитъ въ рукахъ образцики своего сукна. Поглядѣлъ на это сукно Сѣриковъ и видитъ, что оно многимъ тоньше и мягче,

чѣмъ его, Сѣриковское. Сильно струсилъ бѣдный фабрикантъ. Ну, думаетъ, пропала теперь моя головушка.

Вышелъ Петръ, осмотрѣлъ образчики суконъ обѣихъ фабрикъ и грозно взглянулъ было на Сѣрикова, но затѣмъ одумался, снова взялъ сукна, внимательно осмотрѣлъ ихъ и, обратясь къ Сѣрикову, спросилъ у него, изъ какой шерсти его сукно сдѣлано.

«Изъ простой стрижки, государь».

«А у тебя?» обратился царь къ Дубровскому.

«Изъ одной пуши», отвѣчалъ сконфуженный купецъ.

«Ты у меня такимъ путемъ всю шерсть перепортишь», сердито прикрикнулъ на него царь. «Вотъ ты бы сдѣлалъ такое тонкое сукно изъ обыкновенной стрижки, какъ Сѣриковъ, тогда я самъ бы тебѣ поклонился, а изъ одной пуши всякій съумѣетъ; смотри, чтобы у меня этого больше никогда не было».

Затѣмъ, оборотясь къ Сѣрикову, Петръ похвалилъ его за работу и далъ очень большой заказъ по поставкѣ сукна въ войско.

Кромѣ овцеводства, которое нужно ему было для поднятія суконныхъ фабрикъ, Петръ вообще много заботился о скотоводствѣ, сильно заброшенномъ въ древней Россіи.

При немъ начали устраивать конскіе заводы, гдѣ старались улучшить породы лошадей, такъ нужныхъ для войска и для земледѣлія.

Знаменитый холмогорскій рогатый скотъ, названный такъ отъ города вблизи Архангельска—Холмогоръ, гдѣ его начали разводить, и замѣчательный своей величиной и молочностью, заведенъ былъ также при Петрѣ Великомъ, выписавшемъ для этой цѣли нѣсколько великолѣпныхъ коровъ изъ Голландіи.

Главнымъ занятіемъ русскихъ съ древнѣйшихъ временъ было хлѣбопашество, но, путешествуя заграницей и присматриваясь тамъ ко всему, царь увидалъ, что иностранцы умѣютъ гораздо лучше насъ обработывать свои поля и даже на худшей, чѣмъ въ Россіи, почвѣ получаютъ бо̀льшіе урожаи. Чтобы улучшить въ своей странѣ хлѣбопашество, Петръ старался поселить въ Россіи иностранныхъ крестьянъ, съ тѣмъ, чтобы они передали нашимъ свое искусство при воздѣлываніи полей. При основанной Петромъ для вѣдѣнія всѣхъ казенныхъ сборовъ камеръ-коллегіи было особое отдѣленіе, которое должно было заботиться объ улучшеніи земледѣлія, о заселеніи пустыхъ земель, и собирало свѣдѣнія о плодородіи каждой провинціи.

Любимымъ дѣтищемъ Петра Великаго былъ

флотъ, поэтому не мудрено, что онъ заботился обо всемъ, что имѣло какое нибудь отношеніе къ кораблямъ. Флоту нужны паруса, нужны снасти, и Петръ старается, чтобы въ Россіи сѣяли какъ можно больше льна и конопли, издаетъ указы, гдѣ учитъ, какъ нужно сѣять и то и другое. Пеньку у насъ начали дѣлать скоро въ такомъ большомъ количествѣ и такую хорошую, что ея много стало идти заграницу, и царь строго приказывалъ отпускать туда самую хорошую, безъ гнили, чтобы иностранцы не могли жаловаться на обманъ со стороны русскихъ, потому что всякій обманъ сильно подрываетъ торговлю.

Русское полотно тоже понемногу стало идти заграницу; но такъ какъ тамъ употребляли только широкое, у насъ же дѣлали довольно узкое, то Петръ приказалъ, чтобы на полотняныхъ фабрикахъ, которыхъ при немъ развелось довольно много, ткали полотно не уже извѣстной мѣры.

Нѣтъ почти рода промышленности, который Петръ Великій не старался бы развить въ Россіи. При немъ завелись у насъ бумажныя фабрики, куда велѣно было доставлять всякое ненужное тряпье, и собиранье этого тряпья дало легкій заработокъ многимъ бѣднякамъ. Для войскъ и для фейерверковъ нужно было

очень много пороха, и въ разныхъ мѣстахъ Россіи выросли пороховые заводы. Появились при Петрѣ и другіе заводы и фабрики—свѣчные, крахмальные, шелковые, шпалерные, да всѣхъ и не перечтешь: довольно будетъ сказать, что ко времени его смерти въ Россіи было болѣе 200 заводовъ и фабрикъ, гдѣ работало нѣсколько тысячъ человѣкъ.

Для всѣхъ этихъ фабрикъ и заводовъ требовалось очень много топлива, и Петръ, желая щадить лѣса, велѣлъ производить изысканія, нѣтъ ли гдѣ нибудь въ Россіи каменнаго угля, топку которымъ онъ видѣлъ заграницей.

Хотя въ тѣ времена лѣсовъ у насъ было много, и они покрывали чуть ли не половину всей страны, но Петръ уже и тогда предвидѣлъ все зло, которое можетъ принести истребленіе лѣсовъ, и старался, чтобы ихъ безъ толку не истребляли. Былъ изданъ приказъ, чтобы лѣсныя дачи дѣлить на нѣсколько частей и вырубать ежегодно по одной части, съ такимъ разсчетомъ, чтобы деревья успѣвали подростать, пока снова дойдетъ до вырубленной уже разъ дѣлянки. Лѣса сильно страдали отъ пожаровъ, истреблявшихъ иногда десятки тысячъ десятинъ, и поэтому было приказано, чтобы въ случаѣ лѣсного пожара, всѣ живущіе на десять верстъ отъ того мѣста,

гдѣ начался пожаръ, сбирались его тушить.

На сколько Петръ заботился о сохраненіи лѣсовъ, видно изъ слѣдующаго случая. Въ Петербургѣ при Петрѣ была большая пивоварня купца Лапшина, и царь нерѣдко посѣщалъ ее. Разъ, придя къ Лапшину, Петръ увидалъ, что изъ печки такъ и пышетъ пламя, и, подойдя поближе, примѣтилъ, что она биткомъ набита дровами, гораздо больше, чѣмъ было надо. Царь обратился къ пивовару и сердито сказалъ ему «видно, что ты дровъ не жалѣешь, кладешь ихъ гораздо больше, чѣмъ надо. Ты думаешь, что около Петербурга лѣсовъ много, такъ ихъ жалѣть нечего, а того не соображаешь, что безъ бережливости самые большіе лѣса скоро истребятся. Смотри, на будущее время будь бережливѣе, а то я на тебя разсержусь».

Мы видѣли сейчасъ, что Петръ обратилъ вниманіе на лѣсные пожары, но и вообще о пожарахъ думалъ царь. Сильно донималъ старую Россію красный пѣтухъ. Строенія въ городахъ, а въ деревняхъ ужъ и подавно, были деревянныя, строились безъ всякаго порядка, тѣсно, крыли ихъ большей частью соломой и тесомъ. Понятно, что если загорится одинъ такой домъ, то отъ него не трудно огню перейти и на сосѣдніе. Пожарныхъ отрядовъ,

трубъ, тогда совсѣмъ не знали, заливали огонь изъ ведеръ, да шаекъ, а этакъ далеко не уйдешь. Смотришь —загорѣлся сосѣдній дворъ, за нимъ другой, третій,—и черезъ какой нибудь часъ цѣлой улицы какъ не бывало. Нерѣдко выгорали цѣлые города, и несчастные жители, теряя не только кровъ, но часто и все имущество, сразу превращались въ нищихъ.

Чтобы избѣжать насколько возможно такихъ повальныхъ пожаровъ, было приказано строить дома не иначе, какъ въ извѣстномъ порядкѣ, подальше другъ отъ друга, располагать ихъ по прямымъ улицамъ и крыть по возможности черепицей. Кромѣ того, при Петрѣ были заведены у насъ заливныя трубы, образцы которыхъ царь выписывалъ изъ Голландіи.

Въ старой Россіи не было недостатка въ ворахъ и разбойникахъ, а при Петрѣ ихъ сначала стало еще больше. Изъ полковъ бѣжало много людей, не желавшихъ выносить непривычной и тяжелой службы, и большинство такихъ бѣглыхъ солдатъ шли въ разбойники. Увеличилось число разныхъ бродягъ еще и потому, что было запрещено просить милостыню, и всѣ мнимые нищіе да калѣки должны были пріискивать себѣ пропитаніе другимъ способомъ. Разбойники, зная, что у царя много заботъ съ внѣшними врагами, и

думая, что ему будетъ не до нихъ, дѣлались все смѣлѣе и смѣлѣе, и ихъ шайки стали появляться въ Москвѣ, а по большимъ дорогамъ просто проѣзда не стало. Не вытерпѣло сердце царя, старавшагося во всемъ заводить порядокъ: не смотря на то, что ему былъ дорогъ каждый солдатъ, онъ посылаетъ довольно большіе отряды войска въ тѣ мѣста, гдѣ было больше всего разбойниковъ, съ приказомъ строго наказывать и даже казнить каждаго разбойника, который только попадется, и скоро число грабежей сильно уменьшилось.

Благочестивые русскіе съ древнихъ поръ дѣлали большіе вклады въ монастыри, и потому нѣкоторые изъ монастырей до того разбогатѣли, что монахи стали вести праздную жизнь и забывать о своихъ обѣтахъ нестяжательности и трудолюбія. Не понравилось это Петру, который самъ трудился не покладая рукъ на пользу своей родины и требовалъ того же отъ всѣхъ своихъ подданныхъ. Онъ издалъ указъ, чтобы въ богатѣйшихъ монастыряхъ были устроены убѣжища для бѣдныхъ отставныхъ воиновъ, которые должны были содержаться на счетъ этихъ монастырей. Кромѣ того, монахи должны были устраивать у себя больницы и ходить за больными, а также сами обработывать принадлежавшія имъ монасты-

рымъ поля. Въ женскихъ монастыряхъ монахинямъ было приказано заниматься рукодѣліемъ, и, кромѣ того, онѣ должны были учить круглыхъ сиротъ, которыхъ отсылали къ нимъ для воспитанія. Но, преслѣдуя праздность монаховъ и монахинь, Петръ Великій вмѣстѣ съ тѣмъ очень заботился о благочестіи въ народѣ: приказывалъ по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ посѣщать богослуженіе и строго наказывалъ всякое богохульство. Почитаніе Бога и заповѣдей Его царь ставилъ выше всего и часто говорилъ, что плохой слуга Божій не можетъ быть хорошимъ слугой государю и отечеству.

Изложенными выше и другими мѣрами Петръ Великій значительно увеличилъ богатство Россіи, и, несмотря на тяжелую долговременную войну, на большія издержки по внутреннимъ преобразованіямъ—потому что царь не жалѣлъ денегъ ни на какое полезное дѣло—несмотря на всѣ эти расходы, государство все время пробавлялось своими доходами, и не было сдѣлано ни копѣйки долгу.

Петръ Великій всѣ силы свои употреблялъ на то, чтобы возвысить свою родину, но не мало пришлось ему бороться при этомъ съ невѣжествомъ, которое заставляло многихъ видѣть въ дѣлахъ царя, направленныхъ къ ихъ

же пользѣ, чуть ли не грѣхъ. Много противодѣйствія встрѣчалъ императоръ со стороны темнаго, неученаго люда, и тѣмъ сильнѣе увидалъ онъ необходимость поскорѣе распространить въ Россіи образованіе. Въ Москвѣ, Петербургѣ и другихъ городахъ было открыто нѣсколько школъ морскія, инженерныя, математическія и другія. Кромѣ того, многихъ молодыхъ людей по прежнему посылали заграницу для усовершенствованія въ разныхъ наукахъ и ремеслахъ. Было объявлено, что всѣ дворяне должны обучаться грамотѣ, цифири и Закону Божію, безъ чего ихъ было запрещено производить въ чины. Но царь заботился объ образованіи не однихъ дворянъ, а и всѣхъ своихъ подданныхъ, въ особенности же духовенства, и для этого во всѣхъ епархіяхъ были учреждены духовныя школы (семинаріи).

Разъ завелись у насъ школы—понадобились и книги, да и вообще Петръ хотѣлъ, чтобы у насъ побольше читали умныхъ и хорошихъ книгъ, а книгъ, кромѣ богослужебныхъ, почти не было. Поэтому царь приказываетъ переводить съ иностранныхъ языковъ самыя полезныя и нужныя книги и самъ придумываетъ новыя буквы—тѣ самыя, которыми и теперь печатаются всѣ русскія книги тогда какъ прежде у насъ существовали однѣ славянскія

буквы, которыми въ наше время печатаютъ только книги церковныя.

Чтобы всѣ могли знать, что дѣлается въ разныхъ мѣстахъ Россіи и заграницей, Петръ велѣлъ печатать особыя вѣдомости (теперь называемыя газетами), часто указывалъ, что именно въ нихъ печатать, и даже самъ иногда писалъ разныя статьи.

Словомъ, нельзя перечислить всего, что сдѣлалъ для Россіи Петръ. Нѣтъ стороны государственной дѣятельности, такой отрасли промышленности, которой бы не коснулся его геній. Не даромъ императрица Екатерина II говорила, что какъ только ей приходило въ голову что нибудь полезное для государства, такъ она приказывала справиться, не предпринималъ ли чего нибудь подобнаго Петръ Великій, —и всегда оказывалось, что да.

Мы разсказали о томъ, какъ Петръ пробудилъ дремавшія силы народа русскаго, о томъ, на какое мѣсто онъ поставилъ Россію среди другихъ европейскихъ народовъ, разсказали объ его заботахъ о внутреннемъ устройствѣ своего государства, —поговоримъ теперь о жизни и характерѣ самого великаго Преобразователя нашей родины.

Петръ, какъ мы уже видѣли, заботился рѣшительно обо всемъ, что только могло принести какую нибудь пользу Россіи, входилъ во всѣ мелочи, чтобы быть увѣреннымъ, что все дѣлается такъ, какъ надо, и самъ подавалъ во всемъ примѣръ. Вся его жизнь прошла въ работѣ, и работалъ онъ дѣйствительно «въ потѣ лица своего».

Рано утромъ, другой разъ еще до восхода солнца, Великій царь уже бывалъ на ногахъ и садился за работу. Онъ самъ писалъ или диктовалъ своимъ такъ называемымъ «деньщикамъ», безотлучно при немъ находившимся, множество распоряженій, приказаній, относившихся къ самымъ разнообразнымъ предметамъ. Рядомъ съ указомъ о производствѣ народной переписи или рекрутскаго набора, изъ подъ пера Петра выходило указаніе, какъ лучше жать хлѣбъ, косами или серпами, какъ лучше плести лапти. Понятно, что заботы о такихъ незначительныхъ вещахъ отнимали у царя очень много времени, которое онъ могъ бы употребить на болѣе важное дѣло, но иначе поступать ему было трудно. Мало было въ тогдашней Россіи людей, которые понимали всю высоту замысловъ Петра, клонившихся къ одной пользѣ его народа; мало было такихъ, которымъ онъ могъ поручить какое нибудь

дѣло и быть увѣреннымъ, что его поведутъ такъ, какъ онъ того желаетъ. Одинъ изъ современниковъ Петра, крестьянинъ Посошковъ писалъ: «Великій нашъ монархъ на гору самъ-десять тянетъ, а подъ гору милліоны тянутъ, какъ же его дѣло споро будетъ?» Понятно, что при такихъ условіяхъ Петру приходилось самому думать рѣшительно о всемъ, не забывая никакихъ мелочей.

Рано поутру Петръ также обыкновенно занимался своимъ любимымъ токарнымъ ремесломъ, что служило ему отдыхомъ отъ другихъ трудовъ. Государь очень любилъ вытачивать вещи, какъ изъ дерева, такъ и изъ слоновой кости, и до насъ сохранилось много его работъ. Изъ кости царь больше всего вытачивалъ разные предметы, употребляемые при Богослуженіи. Два большихъ паникадила его работы можно и теперь видѣть въ Петербургскомъ Петропавловскомъ соборѣ.

Во время работъ въ токарной много великихъ замысловъ рождалось въ головѣ Петра и, чтобы никто не могъ ему помѣшать, къ дверямъ токарной была прибита надпись: «кому не приказано или кто не позванъ, да не входитъ сюда, не токмо посторонній, но ниже служитель дома сего, дабы хозяинъ хотя сіе мѣсто имѣлъ покойное».

Но иногда самъ царь указывалъ въ это время являться къ себѣ многимъ, особенно молодымъ людямъ, возвращавшимся изъ заграницы, куда ихъ посылали для науки. Царь тутъ же производилъ имъ строгое испытаніе, и отъ этого испытанія зависѣла ихъ дальнѣйшая судьба, потому что Петръ, щедро награждавшій усердныхъ и достойныхъ слугъ своихъ, строго каралъ лѣнивыхъ и нерадивыхъ.

Люди, которымъ Петръ назначалъ придти къ нему утромъ, должны были приходить всегда очень рано, потому что царь въ шесть или семь часовъ уже обыкновенно отправлялся осматривать производившіяся въ Петербургѣ работы. Такъ однажды онъ назначилъ датскому посланнику явиться къ нему въ четыре часа утра. Посланникъ, не воображая, что русскій императоръ можетъ вставать такъ рано, и думая, что онъ ослышался, явился во дворецъ въ шесть часовъ, но царя тамъ уже не было онъ отправился на верфь. Смущенный посланникъ тоже отправился туда, и каково было его удивленіе, когда онъ увидалъ русскаго императора, сидящаго на мачтѣ корабля и что то тамъ работающаго топоромъ. Царю доложили о пріѣздѣ посланника. «Что жъ, если онъ не съумѣлъ найти меня во дворцѣ, такъ пусть потрудится взойти сюда». И одѣ-

тый въ нарядное платье датчанинъ принужденъ былъ взобраться по веревочной лѣстницу на мачту, гдѣ царь очень милостиво его встрѣтилъ. Но въ другой разъ посланникъ уже никогда не опаздывалъ, какой бы ранній часъ ни былъ ему назначенъ.

Съ работъ Петръ отправлялся въ Сенатъ или въ одну изъ коллегій, учрежденныхъ имъ для высшаго надзора за разными дѣлами, и тамъ оставался довольно долго, слушая, какъ рѣшаются дѣла, и давая свои указанія сенаторамъ и членамъ коллегій.

Днемъ, до обѣда царь обыкновенно разъѣзжалъ по городу, заходя на фабрики, мастерскія или посѣщая своихъ приближенныхъ, а послѣ обѣда, состоявшаго, кромѣ, конечно, торжественныхъ случаевъ, изъ самыхъ простыхъ блюдъ, снова занимался государственными дѣлами.

Въ своемъ обращеніи государь былъ чрезвычайно простъ, и каждый, кто только имѣлъ до него дѣло, могъ смѣло къ нему обращаться. Не мало было солдатъ въ его гвардіи, у которыхъ онъ крестилъ, и нерѣдко ему случалось, засидѣвшись на такихъ крестинахъ, опаздывать на какое нибудь торжество.

Однажды у князя Меншикова былъ большой званый обѣдъ, на который обѣщалъ прі-

ѣхать самъ царь. Всѣ гости уже собрались, часъ обѣда наступилъ, а Петра все нѣтъ. Наконецъ часа черезъ два пріѣзжаетъ царь.

«Виноватъ, Данилычъ, позамѣшкался я», обращается онъ къ хозяину, «тутъ у матроса сына крестилъ».

Послѣ крестинъ Петръ обыкновенно выпивалъ рюмку своей любимой анисовой водки и уѣзжалъ, подаривъ хозяйкѣ серебряный рубль, который потомъ хранился какъ святыня.

Ничто такъ не гнѣвало царя, какъ ложь и несправедливость. Виновный всегда могъ заслужить его прощеніе, если искренно сознавался въ своей винѣ, но горе было тому, кто запирался и отнѣкивался—такой человѣкъ терялъ навсегда довѣріе царя. Петръ говорилъ, что никогда не можетъ повѣрить человѣку, который хоть разъ ему солгалъ.

Характеръ у Петра былъ очень вспыльчивый, но ему можно было всегда говорить въ лицо правду, даже когда приходилось ему противорѣчить. Изъ своихъ приближенныхъ Петръ Великій особенно уважалъ сенатора князя Якова Федоровича Долгорукова и уважалъ его именно за правоту нрава, за то, что тотъ всегда всѣмъ, и первому царю, говорилъ въ лицо всю правду, какъ бы она ни была непріятна. При громадномъ количествѣ дѣлъ, надъ которыми

приходилось работать царю, при его безпрерывной дѣятельности, ему, понятно, случалось издавать необдуманныя повелѣнія. Князь Долгоруковъ въ такихъ случаяхъ никогда не боялся идти наперекоръ царской волѣ, и Петръ, одумавшись, всегда благодарилъ своего вѣрнаго слугу.

Однажды случилось Петру послать въ сенатъ указъ о томъ, чтобы изъ Петербургской и Новгородской губерній собрали какъ можно больше рабочихъ рыть Ладожскій каналъ. Когда Долгоруковъ увидалъ этотъ указъ, то онъ воскликнулъ, что его нельзя примѣнять къ дѣлу, и въ сильномъ возбужденіи разорвалъ его. Всѣ другіе сенаторы ужаснулись, увидя такую неслыханную дерзость, и подумали, что хотя царь много дерзостей прощалъ князю Якову Федоровичу, но теперь ему не сдобровать. Дѣйствительно, когда о поступкѣ этомъ доложили Петру, онъ страшно вспылилъ, поѣхалъ въ сенатъ и, кинувшись къ Долгорукову, спросилъ, какъ онъ могъ рѣшиться на такое дѣло, за которое долженъ быть преданъ смертной казни.

«Въ моей головѣ ты воленъ, государь, отвѣтилъ смѣлый князь, но я не могъ послать для исполненія такого указа, который ты очевидно, написалъ, не подумавъ хорошенько. Вѣдь это тѣ губерніи, которыя больше всего

пострадали отъ шведской войны, и взять оттуда столько рабочихъ рукъ значило бы совершенно раззорить ихъ. Развѣ ты не можешь для рытья канала взять рабочихъ съ другихъ губерній, менѣе раззоренныхъ и обезлюженныхъ?»

Царь замолчалъ, затѣмъ поцѣловалъ Долгорукова и сказалъ ему: «вѣрю, дядя, правду ты говоришь, опрометчиво я поступилъ, но все же другой разъ ты моихъ указовъ не рви».

«Князь Яковъ въ Сенатѣ прямой помощникъ», говорилъ Петръ про Долгорукова, «онъ судитъ дѣльно и мнѣ не потакаетъ; безъ красноба́йства рѣжетъ прямо правду, не смотря на лице».

Въ примѣръ безпристрастія царя можно привести еще слѣдующій случай. Одинъ новгородскій купецъ, по фамиліи Иголкинъ, во время объявленія Петромъ войны шведамъ находился по торговымъ дѣламъ въ Швеціи; шведы не отпустили его на родину и посадили въ тюрьму. Сидя въ заточеніи, Иголкинъ однажды услышалъ, какъ приставленные сторожить его шведскіе солдаты громко поносятъ и всячески бранятъ Петра Великаго. Иголкинъ подошелъ къ нимъ и попросилъ не говорить при немъ дурного про его государя, но тѣ не унялись и стали еще пуще бранить Петра. Долго крѣпился Иголкинъ, но наконецъ не могъ вынести оскорбительныхъ отзывовъ о своемъ царѣ, бро-

сился на шведовъ, вырвалъ у одного изъ нихъ ружье и этимъ ружьемъ убилъ обоихъ. Храбраго купца тотчасъ схватили, но, когда шведскому королю Карлу XII донесли о поступкѣ Иголкина, то онъ тотчасъ велѣлъ отпустить его въ Россію, говоря, что каждый вѣрный подданный долженъ былъ бы такъ поступить.

По пріѣздѣ Иголкина въ Россію, онъ былъ очень обласканъ царемъ, но отказался отъ всѣхъ, предлагавшихся ему, наградъ. Тогда Петръ взялъ на военную службу внука Иголкина и обѣщалъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ произвести молодого человѣка въ офицеры. Но время шло, а Петръ, занятый всевозможными дѣлами, забылъ о своемъ обѣщаніи. Старикъ Иголкинъ подалъ въ сенатъ прошеніе, гдѣ жаловался на то, что полковникъ Преображенскаго полка Петръ Михайловъ обманулъ его: обѣщалъ произвести въ извѣстный срокъ его внука въ офицеры и не сдержалъ своего обѣщанія. Сенаторы начали объяснять старику, что не могутъ принять его жалобы, такъ какъ обидѣвшій его полковникъ никто иной, какъ самъ царь, но Иголкинъ стоялъ на своемъ. Петръ, находившійся въ это время въ сенатѣ, услышалъ шумъ и справился, въ чемъ дѣло. Когда ему доложили, онъ разсмѣялся и сказалъ: «нѣтъ, старикъ правъ, я точно обманулъ его,

но теперь постараюсь наверстать потерянное». Через нѣсколько дней молодой Иголкинъ былъ произведенъ, но уже прямо во второй офицерскій чинъ.

Строго относившійся къ другимъ и награждавшій людей только по ихъ заслугамъ, Петръ Великій такъ же относился и къ самому себѣ. Онъ началъ службу и въ сухопутномъ войскѣ, и во флотѣ съ низшихъ чиновъ, чтобы изучить какъ слѣдуетъ всю службу, и соглашался быть произведеннымъ въ слѣдующій чинъ только тогда, когда считалъ, что дѣйствительно заслужилъ это. Во флотѣ онъ достигъ чина контръ-адмирала и, прослуживъ въ этомъ чинѣ нѣсколько лѣтъ, подалъ въ завѣдывавшую флотомъ адмиралтействъ-коллегію прошеніе о производствѣ въ вице-адмиралы, перечисляя при этомъ тѣ заслуги свои, на основаніи которыхъ, ему казалось, онъ имѣлъ право на повышеніе. Коллегія, разсмотрѣвъ царское прошеніе, отвѣтила, что онъ дѣйствительно повышеніе заслужилъ, но что теперь не можетъ быть произведенъ, такъ какъ есть другой контръ-адмиралъ, у котораго заслугъ больше, чѣмъ у царя, и который поэтому долженъ быть произведенъ раньше. Петръ остался очень доволенъ такимъ безпристрастнымъ рѣшеніемъ адмиралтействъ-коллегіи и былъ про-

изведенъ въ желаемый имъ чинъ только черезъ нѣкоторое время, послѣ одержанія имъ большой морской побѣды надъ шведами подъ Гангутомъ.

Немного можно найти государей, которые бы такъ заботились о своихъ подданныхъ, какъ Петръ Великій. Всякій, самый бѣдный, самый незнатный человѣкъ могъ всегда найти въ немъ защитника отъ всякой несправедливости и притѣсненія. Онъ строго наказывалъ за жестокое обращеніе съ крѣпостными крестьянами. Когда въ Россіи былъ произведенъ рекрутскій наборъ, и учреждено постоянное войско, то для солдатъ было опредѣлено извѣстное количество съѣстныхъ припасовъ, которые они должны были получать на день, но прежде, чѣмъ ввести этотъ паекъ, царь самъ рѣшилъ его непробовать. Онъ цѣлый мѣсяцъ прожилъ, питаясь лишь солдатской пищей, и только тогда приказалъ давать этотъ паекъ всему войску, когда на себѣ самомъ убѣдился, что его довольно для насыщенія человѣка. Любовь къ подданнымъ была даже главною причиной ранней смерти Великаго Петра, такъ какъ простуда, ускорившая его болѣзнь и повлекшая его кончину, была получена имъ во время спасанія тонувшихъ солдатъ.

Въ своей частной жизни Петръ отличался

необычайной простотой. Столъ его былъ самый простой, одежда также, и никто не подумалъ бы, что этотъ высокій, съ огненнымъ взглядомъ, человѣкъ, одѣтый въ толстый, сѣрый кафтанъ,—великій императоръ Всероссійскій. Только въ немногихъ случаяхъ, при пріемѣ иностранныхъ пословъ или спускахъ кораблей, Петръ надѣвалъ роскошный, шитый серебромъ, кафтанъ и голубую ленту учрежденнаго имъ ордена Андрея Первозваннаго.

Когда удивлялись скромной жизни Петра, то онъ отвѣчалъ, что въ жалованьѣ своемъ воленъ, но съ народа собранныя деньги долженъ употребить на государство: въ нихъ онъ обязанъ дать отчетъ самому Богу.

Всю свою жизнь работая для своей родины и для своихъ подданныхъ, Петръ требовалъ того же и отъ самыхъ подданныхъ. «Трудиться надобно», говорилъ онъ возвратившимся изъ заграничнаго ученія молодымъ дворянамъ. «Я —царь вашъ, но у меня на рукахъ мозоли, а все для того, чтобы показать вамъ примѣръ, и хоть бы подъ старость увидѣть могъ достойныхъ изъ васъ помощниковъ и слугъ отечества».

Много поработалъ Петръ Великій своей геніальной головой, создавая величіе Россіи, много работалъ онъ и своими руками, пока-

зывая примѣръ своимъ подданнымъ; недаромъ онъ былъ мастеромъ четырнадцати ремеслъ!

Сознавая, на сколько выше русскихъ стояли въ то время по своему образованію и познаніямъ иноземцы, Петръ Великій призывалъ многихъ изъ нихъ къ себѣ на службу, но старался, чтобы они какъ можно скорѣе передавали свои знанія русскимъ. Иностранцевъ при Петрѣ въ Россіи было много, но вмѣстѣ съ тѣмъ они почти никогда не стояли во главѣ какого нибудь вѣдомства или учрежденія—начальниками Петръ обыкновенно назначалъ коренныхъ русскихъ, .а иностранцы служили у нихъ только помощниками.

Богатырь по своимъ умственнымъ и нравственнымъ силамъ, Петръ Великій былъ богатыремъ и по виду. Громаднаго роста, широкоплечій, съ большими огненными черными глазами и быстрымъ проницательнымъ взглядомъ, казалось, пронизывавшимъ насквозь каждаго, на комъ онъ останавливался,—таковъ былъ человѣкъ, про котораго нашъ великій поэтъ Пушкинъ сказалъ:

«То академикъ, то герой
То мореплаватель, то плотникъ,
Онъ всеобъемлющей душой
На тронѣ вѣчный былъ работникъ».

ИЗДАНІЯ

учрежденной по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелѣнію **Постоянной Коммисіи народныхъ чтеній.**

(С.-Петербургъ, Лиговская ул., № 19).

Уничиженіе на землѣ Господа на-
его Іисуса Христа. Цѣна 8 к. Цер-
вь Христова со временъ Апосто-
въ—15 к. Жизнь Божіей Матери—
к. О Богослуженіи Православной
ркви — 10 к. Великій Постъ—8 к.
. Василій Великій—7 к. Св. Григо-
й Богословъ—7 к. Св. Іоаннъ Злато-
тъ—7 к. Жизнь св. Николая Чудо-
орца—8 к. Житіе преподобнаго Ксе-
фонта, Маріи, Іоанна и Аркадія—
к. Св. Кириллъ и Меѳодій, просвѣ-
тели Славянъ — 8 к. Св. Стефанъ
рмскій—5 к. Св. Митрофанъ Воро-
жскій—5 к. Св. Димитрій Ростов-
й—5 к. Св. Тихонъ, епископъ Во-
нежскій и Задонскій — 8 к. Свя-
ель Ѳеодосій Углицкій — 8 к. Ска-
іе о преподобномъ Трифонѣ, про-
этителѣ лопарей—10 к. Іоаннъ Да-
скинъ, стихотвореніе — 3 к. От-
льникъ (Алексій, человѣкъ Божій),
ихотвореніе—5 к. Платонъ, митро-
итъ Московскій—5 к. О жизни и
вигахъ Иннокентія, архіепископа
мчатскаго, впослѣдствіи митропо-
та Московскаго — 10 к. Исторія
той земли—12 к. Русскіе богомоль-
въ Святой Землѣ—20 к. Русскіе
омольцы на Синаѣ—12 к. Бого-
ьцы у святынь Кіева. Лавра—20 к.
е. Старый Кіевъ — 10 к. Свято-
ицкая Сергіева лавра—10 к. Святая
аевская Успенская лавра—8 к. Ва-
мская обитель—8 к. Кирилло-Бѣло-
скій монастырь—8 к. Соловецкая
тель—8 к. Новый Іерусалимъ—8 к.
товъ Великій и его святыни—15 к.
тыни города Вильны—10 к. Москов-
кремль — 7 к. Крестные ходы
Москвѣ—5 к.

Начало христіанства на Руси—8 к. Сыновья св. Владиміра: свв. Борисъ и Глѣбъ, Ярославъ—6 к. Владиміръ Мономахъ и его завѣщаніе — 10 к. Нашествіе татаръ и князь Михаилъ Тверской—8 к. Св. Благовѣрный великій князь Александръ Невскій—7 к. О святыхъ Московскихъ митрополитахъ Петрѣ и Алексіи и о Мамаевомъ побоищѣ—8 к. Иванъ III—10 к. Царь Иванъ Васильевичъ Грозный — 10 к. О смутномъ времени на Руси—15 к. Царствованіе Михаила Ѳеодоровича—8 к. Царствованіе Алексѣя Михайловича—8 к. О Петрѣ Великомъ—15 к. Какъ и чему училъ Петръ Великій народъ свой—8 к. О преемникахъ Петра Великаго (до Екатерины II) — 10 к. Екатерина II Великая—10 к. О Суворовѣ—7 к. Царствованіе Императора Александра Перваго Благословеннаго—10 к. Народная война 1812 года—25 к. Императоръ Николай Первый — 12 к. Разсказы о Севастопольцахъ — 8 к. О жизни и дѣяніяхъ Императора Александра II — 20 к. Царь-Миротворецъ Александръ III—7 к. О благочестивѣйшемъ въ Бозѣ почившемъ Императорѣ Александрѣ III—5 к. Объ уніатахъ въ Западной Руси и ихъ возсоединеніи съ православною церковью—15 к. О рукописномъ дѣлѣ и книгопечатаніи на Руси—10 к. Милость Божія надъ Царемъ, явленная землѣ Русской 17-го октября 1888 года—10 к. Путешествіе Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Николая Александровича на Востокъ въ 1890 и 91 гг.—15 к. Священное коронованіе Ихъ Императорскихъ Величествъ—5 к.

ЖИТІЯ СВЯТЫХЪ,

ранныя и сокращенно изложенныя, и праздники православной церкви.
Цѣна 50 коп.